

**ТАЙНА
ГУННСКОГО
КАМНЯ**

Ю. О. ЛИПОВСКИЙ

Юрий Липовский

Тайна гуннского камня

«Шапиев Герман»

2017

Липовский Ю. О.

Тайна гуннского камня / Ю. О. Липовский — «Шапиев
Герман», 2017

ISBN 978-5-88503-957-4

Хунну, больше известные как гунны, — загадочный народ, память о котором еще сохранилась на Алтае... Спустя многие века после их исчезновения в Монголии находят нефрит с высеченными на нем таинственными знаками — и исследователям открываются захватывающие картины прошлого...

ISBN 978-5-88503-957-4

© Липовский Ю. О., 2017

© Шапиев Герман, 2017

Содержание

Часть первая	6
Родовая реликвия Ялата	6
Аржан – последний вождь кыпчаков	9
Ялат – крепкий орешек	12
Год Красного Быка	16
Колыбташ – путеводный камень	24
Бронтой – последний герой	32
Исход найманов в Монголию	41
Жизнь и необычайные приключения Алтангэрэла в Русском Алтае	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ю. О. Липовский

Тайна гуннского камня

© Липовский Ю. О.

* * *

*Малым народам Горного Алтая, имеющим большую и
удивительную историю, посвящаю*

Часть первая Алтайский талисман

*С потерей прошлого настоящее утрачивает свое значение,
ценность и способность к переоценке.*

Карл Густав Юнг

Родовая реликвия Ялата

Багровый свет заката слабо освещал погруженную в полумрак комнату, заставленную вдоль стен стеллажами и полками. Массивный деревянный стол у окна пестрил различными изделиями из камня, абразивным инструментом и предметами быта. В полной тишине застыла фигура человека, сидящего на топчане в молчаливом раздумье. Сумерки постепенно заполняли все цеха и помещения четырехэтажного здания «Промышленной кооперации» монгольской столицы. Все работники «Промкооперации» уже давно закончили трудовой день и покинули здание – все, кроме мастера Ялата. Ему некуда было податься – ибо не было ни дома, ни семьи. Единственной его обителью стала эта комната-мастерская, с которой он свыкся и не желал иного.

Ялат любил вечера, когда смолкал гул камнеобрабатывающего оборудования, затихала людская суeta, и он оставался один с самим собой, со своими мыслями и камнями, которые окружали его со всех сторон. Ялат разменял уже пятый десяток, но выглядел моложе. У него была светлая как у европейца кожа, темно-русые густые волосы, коротко подстриженные усы и небольшая бородка, обрамляющая его худошавое лицо. Из-под густых бровей выглядывали голубовато-серые глаза, излучавшие природный ум, проницательность и доброту.

Откуда и как он появился в «Промкооперации», где проработал более десяти лет, никто толком не знал. Он держался особняком, не водил ни с кем дружбы и не любил распространяться о себе. В «Промкооперации» его все уважали и ценили за признанное мастерство, мудрость и готовность всегда прийти на помощь. А это заслуживало высокой похвалы, поэтому его называли «дархан» (мастер), добавляя к его имени монгольское «гуай» (почтенный) – знак особого уважения при обращении к старшему. Как часто с ним происходило за последнее время, Ялат задумался о жизни и о себе.

«Что такое жизнь? – размышлял Ялат. – Жизнь – это длинный маршрут, каждый раз в новое место, с новыми встречами и событиями, которые не повторяются. Начало этого маршрута известно, а кончается он в неизвестности – за пределы нельзя заглянуть».

В своем длинном жизненном маршруте Ялат потерял все: родину, родных, не приобрел ни дома, ни семьи, ни богатства. Единственная любимая женщина – Надежда, местная русская, два года как возвратилась в Советский Союз, в Иркутскую область. Она ждала его, писала письма, надеясь на встречу с ним, но Ялат не хотел покидать Монголию – она стала для него второй родиной. Здесь он нашел свое призвание: все силы, всю страсть он вкладывал в изделия из камня. Ему легко удавалось обыграть любой камень, который подчинялся его воле, преображался в умелых руках мастера.

Так было всегда до последнего ответственного заказа. Ему привезли из экспедиции большой кусок зеленого нефрита, отколотый от громадной глыбы, найденной где-то геологами. Задание было обычным: сделать опытные изделия из камня – шар, яйцо, пепельницу. Распилив на камнерезном станке в цехе камень на несколько заготовок, Ялат приступил к их индивидуальной обработке и изготовлению изделий. И тут началось непредвиденное:

камень словно не подчинялся его воле, выскальзывал из рук и был будто заколдованный. У Ялата от напряжения кружилась голова, слезились глаза и непривычно дрожали руки.

«Что за чертовщина! Может, я переутомился?» – думал он, оставляя на время работу и давая себе передышку.

Но когда он снова брался за камень, все повторялось сначала. Нюхом старого опытного мастера Ялат понял, что здесь что-то не то и ответственное задание под угрозой срыва. А это означало для него полный крах. Он был близок к отчаянию. «Наверное, старость подает первый сигнал, стучится в мою дверь дрожащей рукой», – думал Ялат. И тут ему вспомнились слова отца: «Мудрость жизни состоит в том, что никогда не надо сдаваться раньше конца. И никогда не надо спешить раньше начала». Это напутствие отец дал ему при расставании много лет назад, когда надел на шею сына каменный амулет. Ялат хранил его все эти годы, как святыню, в деревянной шкатулке, вынимая его время от времени и предаваясь воспоминаниям. По словам отца, это была родовая реликвия – символ власти, которая имела многовековую историю и переходила из рук в руки зайсанов (вождей) алтайского племени кыпчаков.

И вот теперь, вспомнив об этой реликвии, Ялат достал ее из шкатулки и стал всматриваться в нее, словно видел впервые. Это была тонкая (не более 3 мм) пластина из зеленого камня размерами 6 см в длину и 2,5 см в ширину. В верхней части было высверленное отверстие для шнурка, чтобы носить ее как амулет. На пластине с лицевой стороны были резцом нанесены какие-то знаки. Но Ялата интересовал сам камень – он был весь затертый, тусклый, но зеленого цвета, твердый и прочный, как нефрит. Чем больше Ялат всматривался в реликвию, тем больше находил сходство с тем нефритом, из которого он пытался безуспешно изготовить изделия.

«В чем тут дело?» – ломал голову Ялат. Он вспомнил, что его отец не расставался с этой древностью и носил ее как амулет на шее. Однажды, по его словам, камень спас его от гибели.

«Может, он мне тоже поможет выйти из тупика», – подумал Ялат. Он повесил амулет на шею, некоторое время походил с ним, привыкая, а затем приступил к прерванной работе с нефритом. И случилось неожиданное: то ли волшебная сила амулета, то ли вера в него, но Ялату удалось выполнить ответственный заказ. Он изготовил камнерезные изделия, а из оставшегося кусочка сделал для себя на память маленькое яйцо размером с перепелиное.

С облегченным сердцем он отдал свою работу дарге Доржу – начальнику «Промкооперации» для передачи в Министерство геологии. Дарга Дорж вскоре вернулся с сияющим лицом и стал трясти руку Ялата.

– Поздравляю, Ялат! Сам замминистра, товарищ Худэр, остался очень доволен. Хорошо поработал и заслужил премию.

– Не нужна мне премия, – устало отмахнулся Ялат. – Мне бы отдохнуть два-три дня, устал я, однако.

– Отдыхай, дорогой Ялатгуай, сколько хочешь, – сказал проникновенным голосом дарга. – И премию получи – деньги всегда нужны. Можешь слетать в Баян-Улгий – у тебя ведь там родня осталась? А-а?

Ялат ничего не ответил, ожидая, что последует за этими словами. И дарга, немного помедлив, продолжил:

– Готовься, Ялат, к большим делам. Скоро мы получим из Министерства заказ на изготовление массовой продукции из нашего монгольского нефрита. Будем делать табакерки, чаши, украшения и все такое – как делают это китайцы. Я надеюсь на твое мастерство и опыт, дам тебе в помощь молодых камнерезов, обеспечу всем необходимым. Ну, а сейчас отдыхай и набирайся сил, – закончил дарга Дорж, пожимая руку Ялата.

Разговор с начальником внес еще большую сумятицу в растревоженную душу Ялата. Ему не хотелось думать о новой работе – он впервые почувствовал глухую тоску и растерянность от непонятного состояния, в котором оказался. Об отдыхе он тоже думал – хотелось поскорее разобраться во всем. Почему ему с таким трудом и напряжением далась работа с нефритом? И то, похоже, ему помог этот родительский амулет. В чем тут дело?

Через руки Ялата за несколько лет прошли многие камни. Он узнавал их не только визуально, но даже различал на ощупь с закрытыми глазами. И вот теперь он клал на ладонь то нефритовое яичко, то амулет, сравнивая свои ощущения, и убеждался, что они одинаковые. Создавалось такое впечатление, что эти два разных предмета из одного места и даже из одной глыбы. «Но это невероятно, – думал Ялат. – И никому не скажешь о своих впечатлениях, подумают – с головой плохо».

Ощущение пустоты, своего бессилия и странной чертовщины не рассасывалось у Ялата до конца дня. «Жаль, что нет рядом Сергея – он бы точно разобрался в моей беде. А он где-то бегаёт за своими камнями в Гоби. Надо завтра узнать в экспедиции, когда он вернется», – подумал Ялат. Эта мысль понравилась ему. Оставалось ждать и надеяться на появление Волгушева.

В эту ночь Ялат мало спал, предаваясь непроходящим воспоминаниям из своей давней алтайской жизни. Под утро он заснул беспокойным коротким сном. Ему приснился родительский дом, дворовая собака Буян и его дед Аржан в ханском облачении, сидящий на крыльце. У деда был грозный вид, он свирепо вращал своими стально-серыми глазами, тряс рыжей бородой и, держа в руке нефритовый амулет, что-то выговаривал склонившемуся перед ним Ялату.

Аржан – последний вождь кыпчаков

Ялат родился и вырос в Горном Алтае в глухом, старинном селе. Оно раскинулось в предгорьях высокогорного хребта Тугай, среди густых лесов, на берегу порожистой и извилистой речушки. На высоком холме возвышался нарядный бревенчатый дом вождя племени кыпчаков с раскрашенным и покрытым резьбой крыльцом, с гребнями и петушками на тесовой крыше. Этот дом вождя племени Аржана – родного деда Ялата – был виден издалека, его окружал высокий тын из заостренных дубовых бревен – стояков.

Массивные дубовые ворота с узорчатой крышей всегда были на запоре. Большая лохматая собака по кличке Буян, гремя цепью, надежно охраняла дом от диких зверей, часто выходивших из леса, и от пришлых людей с большой дороги. По сторонам дома находились амбар, конюшня с сенокосом, скотный двор, сарай для сена и двор. Близ самого берега находилась мыльня¹ из черных срубов, покрытых дерном. По обе стороны от главного дома вождя, вдоль реки, располагались обычные рубленые дома жителей села – охотников и скотоводов.

Издавна Алтай заселяли разные народы – древние тюрки и уйгуры, енисейские киргизы и кыпчаки, монголы и татары, казахи и русские. Одни народы были аборигенами, другие пришли из разных мест, покинув исконные места кочевий, и поселились здесь под защитой гор и лесов. Полной свободы не получилось – пришлось платить дань – калан – сначала китайскому императору, а затем ясак – русскому царю. И все же они были довольны, ибо не испытывали притеснений и никто не покушался на их внутреннюю свободу. До революции разноязыкие алтайские племена жили обособленно на своей территории, владея сообща землей и всеми богатствами. Браки происходили только в пределах своих племен – межнациональные браки не разрешались. Это позволяло сохранять свою этническую замкнутость, свой язык, свою обрядовую культуру и самосознание.

Во главе каждого алтайского племени стоял зайсан (вождь). Последним вождем древнейшего племени кыпчаков был родной дед Ялата. Звали его Аржан. Считается, что каждое имя – это предназначение, судьба. Вот и у вождя кыпчаков было такое «говорящее имя», которое означало «источник» или «родник». Он был высокого роста, могучего телосложения, с длинной пушистой бородой соломенно-желтого цвета и серыми глазами. Люди говорили о нем, что это богатырь с двумя сердцами. Сильный и мудрый человек. Его любили и боялись, а слава о нем ходила по всему Алтаю.

В 1913 году, когда в России отмечалось трехсотлетие царствования дома Романовых, Аржан в составе делегации алтайских купцов и промышленников побывал в Санкт-Петербурге. Алтайскую делегацию с богатыми дарами принял сам царь Николай II. Во время приема Аржан своей монументальной фигурой обратил на себя внимание – высоченный, сероглазый, с золотистой пышной бородой, как былинный русский богатырь с картины художника Васнецова.

«Вот истинный русский купец – опора империи», – обмолвился царь, глядя с восхищением на алтайского гостя. Он подошел к Аржану, стал его рассматривать, и был крайне удивлен, что перед ним стоит не русский купец, а вождь какого-то непонятного алтайского племени. Поговорив с ним, православный царь остался доволен ответами Аржана и собственноручно нацепил на лацкан его сюртука медаль «За усердие».

Встреча с русским царем оставила глубокий след в душе Аржана. Вернувшись на Алтай, он часто рассказывал своим соплеменникам о личности царя, о благоприятном впечатлении, которое он произвел на него, а по торжественным случаям он надевал получен-

¹ Мыльня – баня.

ную награду. Медаль диаметром 27 мм была сделана из белого металла и имела на лицевой стороне изображение профиля Николая II и круговую надпись «Николай II – император самодержец Всероссийский». На оборотной стороне медали были выгравированы дубовая веточка и надпись «За усердие». Аржан очень дорожил этой наградой, которая, однако, сыграла роковую роль в последующие лихие годы.

И была у него еще реликвия, которую он ценил превыше всего – это знак власти из зеленого камня с нанесенными символами. Эта родовая реликвия Аржана имела многовековую историю и связана была с далекими предками, пришедшими когда-то на Алтай из Сибири. Она переходила из поколения в поколение, являлась атрибутом власти главы племени – зайсана. Эту реликвию вместе с властью Аржан готовился передать своему преемнику. Им должен был стать его сын.

Аржан рано овдовел – жена Лада умерла при родах, оставив ему единственного сына Бронтоя. После утраты любимой жены Аржан так и остался бобылем, а воспитание сына и хозяйство в доме взяла на себя его двоюродная сестра Ариша – незамужняя женщина, добрая и смиренная, посвятившая себя воспитанию племянника. В детстве она напевала Бронтою протяжные народные песни, рассказывала сказки, обучала родному языку, а потом русскому и русской грамоте. Будучи богомольной, она пересказывала ему истории из Библии, привезенной Аржаном из Петербурга. Сам Аржан старался привить сыну чувство гордости за свой род, высокую нравственность и ответственность за свои поступки.

– Мы – потомки богатырского народа, жившего еще тысячу лет назад, – говорил Аржан сыну, поглаживая свою пышную бороду. – Русские прозвали нас половцами за желтый цвет наших волос, как у половы – соломы. Потом нас смешали с кочевым народом кыпчаками. Китайцы же называли наших предков динлинами, это означает «рыжебородые» – такие как я. А предки наши называли себя русами и обитали они в Саянских горах и сибирских степях.

– В нашем роду были вожди и ханы, прославившие наш народ, – похвалялся Аржан. И в доказательство показывал на висевшую на его могучей шее родовую реликвию – знак власти.

– Она перейдет к тебе – когда подрастешь, – говорил Аржан, глядя с любовью и надеждой на сына.

А когда Бронтой подрос и возмужал, Аржан решил женить его на рыжеволосой красавице Летаве – дочери малого племени кыпчаков Велимира – соседа и друга Аржана. Родители обо всем полюбовно договорились и назначили день свадьбы. Но этого не случилось из-за романтической истории, произошедшей с сыном.

А случилось так, что молодой Бронтой, увлекавшийся охотой, забрался однажды в глухую лесную чащу, расположенную на территории соседнего племени найманов. И здесь с ним произошло невероятное: он попал в капкан, расставленный на дикого зверя. Все попытки выволить свою ногу из крепко сжимавших ее стальных крючьев не удались. Незадачливый охотник провел в таком, казалось, безысходном положении больше суток. Спасла его девушка из племени найманов, собиравшая лекарственные травы, которая услышала крики попавшего в беду охотника. Вначале она попыталась освободить его сама, но после безуспешных попыток побежала в свой аул за помощью. Вернулась с двумя своими сородичами, и они вызволили Бронтоя из капкана.

Но радость была омрачена тем, что Бронтой с трудом мог двигаться – нога, разодранная капканом, распухла. С помощью девушки и ее спутников Бронтой добрал до их селения. У найманов Бронтой провел три дня, живя в отдельной гостевой юрте. Его спасительница все это время не отходила от него, лечила своими травами и настоями. И за это короткое время Бронтой привязался к смуглянке с темными раскосыми глазами и длинной черной косой. Звали ее Туяа, что по-наймански означало «заря».

Туяа была полной противоположностью его невесте Летаве – холодной, надменной и капризной. Бронтой не любил ее, страшился своей женитьбы, но не решался идти против воли отца. Но случай помог ему найти правильное решение. Любовь к черноглазой девушке с нежным именем Туяа всколыхнула его и изменила его жизнь.

И Бронтой решился. За неделю до назначенной свадьбы он привел свою избранницу в родительский дом и сказал, что желает жениться на ней. Аржан пришел в бешенство от этого сюрприза.

– Ты что, спятил? – воскликнул он, в гневе тряся бородой. – Отказаться от своей невесты и поменять ее на черную найманку? Ты забыл, что являешься потомком древнего княжеского рода. По законам рода ты можешь жениться только на девушке нашего племени и нашей веры. Иначе ты не можешь наследовать власть. Пусть эта девушка возвращается в свое племя – я не даю согласия.

– Тогда я уйду вместе с ней к найманам, – воскликнул в запальчивости Бронтой и, взяв за руку Туяу, направился к выходу.

Но путь им заградила Ариша, которая решительно встала на защиту молодых.

– Опомнись, Аржан, – стала наседать она на брата. – Эта девушка спасла твоего единственного сына и наследника. Они любят друг друга, и это главное. От сильной любви рождаются сильные духом и телом дети. Туяа не испортит нашей породы и подарит тебе достойного внука. Я сон вещий видела – и верю, что он исполнится.

И Аржан под натиском своей сестры сдался.

– Поживем – увидим, – сказал он и, махнув рукой, удалился в свои покои.

А Ариша, обрадованная таким исходом дела, успокоила молодых и занялась их благоустройством. Молодые остались в доме, но Аржан еще долгое время не мог забыть этого. из-за расстроенной свадьбы у него испортились отношения с Велимиром – отцом отвергнутой невесты. Близкие родственники и старейшины племени не одобрили его поведение, но никто открыто не осудил – авторитет Аржана был незыблем, как гранитная скала возле его дома.

По селу распространилась шокирующая всех новость: сын вождя кыпчаков женился на черной найманке. Распускали разные слухи, что Туяа якобы шаманка, что она околдовала Бронтой, поставив на него капкан. Любопытные под любым предлогом ходили к дому вождя, чтобы поглазеть на новоявленную невесту его сына. Женщины между собой судачили, чем эта история закончится.

А закончилась она свадьбой, которая прошла на земле племени найманов. Аржан, в нарушение традиций, пошел на этот шаг, согласившись с предложением вождя найманов – Алтангэрэла. Как оказалось, Туяа, принадлежавшая к его клану, являлась его близкой родственницей. Аржан был почетным гостем на свадьбе, и благодаря этому событию «белый» и «черный» вожди установили братские, родственные отношения.

Молодые провели медовый месяц среди найманов, а затем вернулись в дом Аржана. Отношения между отцом и сыном постепенно наладились. Аржан сделал Бронтой своим помощником, поручив ему хозяйственные и торговые дела общины. Он уже думал о том, чтобы передать власть в племени своему сыну, неуклонно подготавливая его к этому. А сам Аржан мечтал, уйдя на покой, выращивать садовые деревья, изучать Библию, построить в селе церковь и вселять в людей веру в грядущий свет. В нем жила непоколебимая потребность мечты и действий – в этом был он весь, последний вождь племени и своеобразный святой грозного XX века.

Ялат – крепкий орешек

Территория, где родился Ялат и его предки, лежала в стороне от Чуйского тракта – единственной магистрали, соединившей Россию с Алтаем. Этот путь шел вдоль реки Чуи от Барнаула и Улалы² и дальше, через горные перевалы, в соседнюю Монголию. Исторические события и их влияние мало коснулись Горного Алтая. Были времена, когда мир трепетал от нашествия фаланг Александра Македонского, диких орд гуннов Атиллы и Чингисхана. И если в северной степной части Алтая еще ступала нога захватчиков, то в горные районы они никогда не добирались. То ли дикая природа, заснеженные горы, вечный холод и безлюдье пугали их, то ли земля, на которой жили алтайские горцы, считалась бесплодной и непригодной для жизни – а потому и ненужной завоевателям.

Единственная грунтовая дорога, соединившая кыпчакское село с Улалой, открывалась на короткое время летом после долгой и холодной зимы и бурного весеннего половодья. По этой дороге до села изредка добирались бродячие охотники, купцы, заготовители пушнины и прочие заинтересованные люди. Они большей частью были желанными гостями, ибо несли с собой вести, что творится на белом свете. А без этого живого общения селяне ощутили бы себя как на необитаемом острове, стали бы замкнутыми, потеряв присущую им общительность, любознательность и освежающий душу юмор.

Отзвуки о свершившейся в России революции докатились и до алтайской глубинки. Правда, с большим запозданием – только холодным летом 1918 года, когда повсюду бушевал пожар Гражданской войны. В село кыпчаков, где царили первозданный покой и тишина, ворвалась ошеломляющая весть: «В Петрограде свергли царя. К власти пришли большевики во главе с Лениным».

Кыпчаки впервые слышали слова: «большевики», «свобода», «равенство». «Кто такие большевики?» – никому было невдомек, поэтому селяне с жадностью глотали вести, которые несли приезжие люди из Бийска – купцы, лавочники, скупщики пушнины. По кривым улочкам села к площади потянулись все, кто мог ходить. Наполненные возбуждением и страхом, они слушали то, что говорят: «Большевики – это те, которых большинство. Они стоят за народ, за его освобождение и равенство. Большевики против войны с Германией, они замирились с немцами и объявили войну внутренним врагам».

– Разве у России есть внутренние враги? Кто же они? – дивились простодушные кыпчаки.

– Враги народа – это богачи, купцы, помещики, фабриканты и кулаки, а также те, кто их поддерживает – дворяне, офицеры и священники, – разъясняли приезжие люди.

– А кто же тогда кулаки?

– Кулаками большевики прозвали зажиточных крестьян, которые имеют свою землю, выращивают урожай, имеют свой скот, лошадей и птицу.

– Так ведь они же кормильцы империи?! Какие же это враги?! У нас в селе нет бедных, у всех есть и скотина, и лошадки – значит, мы тоже кулаки? – недоумевали люди. И взбужденные этими новостями жители села валили толпами к дому Аржана. Мудрый Аржан старался внести успокоение в возбужденные головы и души своих соплеменников.

Прошли дни и недели, шумные, напоенные возбуждением и страхом. Наступило затишье, и только изредка поступали вести о братоубийственной Гражданской войне, идущей по всей России. Но Россия была далеко, и хотелось верить, что Алтай избежит ее участи.

Осенью 1918 года в гостях у Аржана побывал купец из Бийска Матвей Алексеевич Привалихин. Они были давно знакомы, с тех пор как в составе алтайской делегации ездили

² Улала – старое название Горно-Алтайска – центра Горно-Алтайской автономной области, образованной в 1922 году.

в Петербург на празднование трехсотлетия дома Романовых. Аржан был несказанно рад встрече и во время теплого застолья засыпал гостя вопросами о положении в отечестве.

– Свершилась великая беда, какой еще не знала наша империя. – мрачно изрек Привалихин. – Царь отрекся от престола – думал, как лучше, хотел умиротворить народ. А теперь наш народ как стадо без пастуха, все перегадит и самого себя погубит.

– Кто же власть захватил?

– Вначале – деятели из бывшего окружения царя во главе с бездарным адвокатишкой Керенским. Назвали себя Временным правительством – и то верно: и года не продержались эти временные собаки! А у них власть взяли большевики с Лениным. Народ купился на их лозунги: «Мир народам», «Землю крестьянам». Только все это обман. Какой мир? В стране идет кровопролитная война между крестьянами, большевиками и белыми – теми, кто сопротивляется красному террору, надругательству и разбою. Они идут под святыми белыми знаменами.

– А что стало с царем нашим Николаем Александровичем? – спросил, волнуясь Аржан.

– Нет его больше, царство ему небесное, – глухо ответил Привалихин и перекрестился.

– Как?! – воскликнул Аржан, глядя на миг остановившимися остекленевшими глазами.

– Большевики учинили кровавую расправу над всей царской семьей в Екатеринбурге. Всех безжалостно расстреляли – даже дочерей и сына не пожалели.

– Это нелюди. Неужели среди русских нашлись такие? – выдавил, задыхаясь от гнева Аржан.

– Говорят, что исполнителями этого чудовищного злодеяния были нерусские – австрияки, венгры, латыши. Их называют сегодня «гвардией революции».

– Что же теперь будет с Россией? Где искать спасения? – произнес вконец подавленный Аржан.

– Последняя надежда – это белое движение, которое выступает против разрушения российской государственности, против поругания наших духовных святынь, против красного террора и насилия над народом. В этом движении участвуют русское рядовое офицерство, казаки и обманутое крестьянство.

– Сколько продлится Гражданская война и чем она закончится, одному богу известно. Но скажу тебе, Аржан, что «красная чума» придет и на Алтай. Из Барнаула поступают вести, что там появились красные продотряды, которые от имени советской власти изымают у крестьян излишки зерна, мяса и прочее. А на самом деле грабят крестьян подчистую, обрекая их на голод. Так что, имей в виду это, Аржан, – могут и до наших краев добраться, этих бесов ничто не остановит. А вообще, Аржан, я думаю, что пора нам уходить за кордон. Пока не поздно и Чуйский тракт открыт, – сказал доверительным тоном Привалихин.

– А куда уходить ты думаешь?

– В Монголию, а там дальше в Китай. Мои сотоварищи из купеческой гвардии уже готовятся. Тебе тоже надо уходить, Аржан, подумай хорошо!

– Нет, Алексеич! – решительно мотнул головой Аржан. – Я никуда не уйду отсюда, здесь земля моих предков, здесь мой народ. И я разделю с ним все, что Господь ни пошлет!

Это была их последняя встреча.

Спустя три года Гражданская война закончилась на всей огромной территории России. И от Москвы до самых до окраин была установлена советская власть. А в 1922 году новая власть пришла и на Горный Алтай. Он был преобразован в Горно-Алтайскую автономную область с центром в городе Улале (ныне Горно-Алтайск). Кончилась власть вождей племен и баев – на их место пришли молодые, с комсомольским задором товарищи, присланные из центра насаждать в «диком» алтайском народе новую пролетарскую культуру, новый быт и язык.

Большие перемены произошли и в кыпчакском селе Тугай. Аржан отстранился от власти. Вся власть теперь пришла к сельсовету, который занял дом старейшин, где раньше собирались вожди и почтенные люди племени. В это смутное и тяжелое время перемен в дом Аржана пришла долгожданная радость: наконец-то его невестка Туяа родила сына.

Аржан с нескрываемым волнением устроил смотрины младенца. Бронтой тоже волновался, ожидая, что скажет отец. Внук Аржану понравился. Он пришел в умиление от крупного крепкого младенца со светлой кожей и синими глазами.

– Да, в нашу породу пошел! Слава богу. Не подвели наш род, ребята, – сказал Аржан, глядя на просветленные лица сына и невестки.

– Как назовем продолжателя нашего рода, отец? – спросил Бронтой.

– Ялат, – ответил ему Аржан. – Это редкое имя, таких еще в нашем роду не было.

На том и порешили. А когда подошло время, Бронтой пошел регистрировать своего новорожденного в сельсовет – в соответствии с законами советской власти. И здесь произошел курьезный случай, о котором впоследствии Бронтой поведал сыну. Молоденький секретарь сельсовета, приехавший в село по комсомольской путевке из центра, оглядел стоявшего возле его стола посетителя и осведомился, как его зовут. Бронтой назвал имя сына.

– А как фамилия?

– У нас нет фамилий – только имена, – ответил Бронтой.

– Как же вы живете без фамилий, не зная своих корней, своего рода? Дикари какие! – поморщился секретарь.

– Обижает, начальник, – возмутился Бронтой. – Мой род самый древний, и я знаю его до девятого колена: Аржан, мой отец, дед Анаяк, прадед Боняк, Арес, Велимир, – начал перечислять своих предков Бронтой.

– Ладно уж! – оборвал его молодой человек. – Давай лучше определим, какую фамилию дадим твоему сыну – от имени деда, прадеда или пра-пра. А?

– От деда его – Аржана, – без колебаний ответил Бронтой.

– Вот и хорошо, – смягчился секретарь. – Значит, фамилию запишем «Аржанов». Звучит вполне по-русски. А какое имечко твоему сыну запишем?

– Ялат, – твердо произнес Бронтой.

– Что за дурацкое имя? – воскликнул секретарь сельсовета. – Ты подумай, только раскинь своим умишком: пойдет твой сын в школу, поедет учиться в город, пойдет в армию – его ведь там засмеют с таким дикарским именем. Ведь есть же нормальные имена: Владимир, Василий, Виктор, который в переводе означает «Победитель». Что может быть лучше для будущего строителя коммунизма! А что названное тобой имя означает? Сам-то ты знаешь?

– Знаю, – усмехнулся Бронтой. – Ялат – это «Крепкий орешек».

– Ха-ха-ха! – рассмеялся секретарь. – Вот придумал имечко! Но возражений нет: советской власти нужны новые, крепкие люди, строители светлого будущего. Как сказал наш пролетарский поэт Маяковский: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей».

И, довольный своим решением, секретарь записал: «Аржанов Ялат Бронтоевич», а в графе «национальность» – «алтаец», разъяснив Бронтою, что отныне все коренные жители Алтая едины без племенных различий.

Так Ялат получил путевку в новую советскую жизнь. Когда подошло время, он вместе со сверстниками пошел в русскую школу, которую открыли в соседнем кыпчакском селе «Светлый путь» (название пришло вместе с новой властью).

Село находилось в нескольких километрах от дома, но Ялата это не останавливало: каждый день в любую погоду он отправлялся в школу. И никакие преграды – ни снежные заносы и камнепады на горных дорогах, ни леденящий холод и ураганный ветер – не преградили ему путь к знаниям. Этот путь открыла ему и его сверстникам – кыпчакам, найма-

нам, казахам и русским первая учительница Зоя. Русская девушка, уроженка Алтая, после окончания педучилища в Бийске добровольно приехала в самую глубинку. И она обучала детей не только грамоте и различным предметам, но стала настоящим воспитателем, прививавшим детям любовь к труду, к природе родного края и его истории.

Ялат с жадностью тянулся к знаниям. Быстро освоив грамоту, он пристрастился к чтению. В небольшой школьной библиотеке он перечитал почти все книги – от русских народных сказок до приключенческих романов Жюль Верна и Майн Рида. Любимым же писателем стал для него Джек Лондон. Мужественный герой его книг, преодолевающий все трудности в борьбе с силами природы и человеческим злом, стал для него примером.

Своими впечатлениями от прочитанных книг и успехами в школе Ялат неизменно делился с дедом Аржаном. Отец был загружен работой в конторе «Заготпушнина». Мать вместе с Аришей вела хозяйство, она по-прежнему собирала лекарственные травы и готовила из них снадобья. Дед Аржан, отстраненный от своих дел, замкнулся дома и переключился на воспитание любимого внука. Аржан поощрял его учебу в школе, разговаривал с внуком по-русски и на кыпчакском языке, чтобы Ялат не забыл языка предков.

– Народ как река – сам должен выбирать себе русло и берега, – говорил дед своему внуку. – И народ сам должен определить, на каком языке ему лучше общаться. Но считаю, что для нас, алтайцев, русский язык и язык предков – два родных языка. Чем больше знаешь языков, тем лучше для тебя и твоего народа. Сколько знаешь языков – столько раз ты человек.

Сам Аржан смолоду самостоятельно освоил русскую грамоту, научился читать, но из всех книг любил только одну – Библию. С этой книгой он никогда не расставался и вечерами при свете свечи читал вслух внуку малопонятную ему Божественную книгу.

– Без веры в Бога человеку нельзя – он заблудится между добром и злом, – говорил Аржан. – Народ – творец добра. Но одновременно он и опора или почва для созревания зла. Безверие, которое несет нам новая власть, обернется большим злом – ибо поработит нас не только физически, но и духовно.

Но подростком Ялатом мрачные прогнозы деда не воспринимались всерьез. Его вполне устраивали произошедшие перемены, открывшие новый, увлекательный мир. Ему нравились школа, пионерские отряды и сборы, он верил в светлое будущее, о котором рассказывали в школе и писали в газетах. В пятом классе Ялат мечтал о том, как он поедет в большой город Бийск учиться в техникуме – он мечтал стать учителем или зоотехником. Дед поддерживал его стремление учиться дальше.

– Не важно, кем ты станешь, Ялат, самое главное, чтобы ты нашел себя в избранном деле, чтобы твой труд приносил радость и тебе, и людям.

Как-то, разговаривая с дедом, Ялат обратил внимание на висящее на его шее какое-то изделие из камня.

– Что это ты носишь? Амулет? – поинтересовался он.

– Это знак власти и силы, который достался от далеких предков из нашего рода. Придет время, и я передам его твоему отцу, а потом эта реликвия перейдет к тебе, Ялат.

– А зачем мне она? Я же не стану вождем племени, как ты?

– Ты станешь достойным продолжателем нашего рода, Ялат. И этот знак будет твоим талисманом, помощником в делах. Попомни мои слова.

Год Красного Быка

В те годы в селении найманов жил знаменитый на всем Горном Алтае шаман-предсказатель Чауна. Пользуясь древним тибетско-монгольским календарем – *зурхаем* 60-летнего «звериного цикла», он предсказывал, что несет тот или иной год для народа, и даже мог предсказать судьбу отдельного человека. К его прогнозам с трепетом относились все племена, обитавшие на территории, примыкавшей к Чуйскому тракту. Надо сказать, что его прогнозы были поразительно точны и непременно сбывались. Вот почему люди с замиранием сердца выслушивали предсказания шамана и передавали из уст в уста полученные сокровенные сведения.

В год Змеи (1917 год) шаман Чауна предсказал великие беды: разрушение Российской империи, убийство белого царя и братоубийственную войну между сторонниками «красного» и «белого» цвета. Он предсказал победу «красных», которые подчинят своей власти все народы и заставят поклоняться своим вождям как живым богам.

Туяа, мать Ялата, встречалась не раз со своим знаменитым соплеменником и выпрашивала у него судьбу свою и близких. Шаман нагадал ей, что в год Черной Собаки (1922 год) у нее родится сын, и ему всю жизнь будет сопутствовать чувство тревоги и беспокойства, ибо «Собаки» всегда начеку, готовы к чему-то, что может вот-вот случиться. Он вырастет честным, решительным и бесстрашным, хотя столкнется с жестокостью, несправедливостью и непониманием. И все-таки ему посчастливится, когда он уйдет в страну предков, где станет знаменитым.

А вот год Красного Быка (1937 год) шаман предсказал свирепым и кровавым, который принесет горе алтайскому народу. Туяа все годы верила в мрачные предсказания шамана и в преддверии наступающего года Красного Быка с трудом скрывала страх за судьбу своих близких.

...Весна 1937 года на Алтае была невообразимой. Целый месяц лили проливные дожди, ледники в горах быстро таяли, вода текла бурными грязевыми потоками и переполняла реки. Вода размывала и рушила грунтовые дороги, по ней проплывали вырванные с корнями деревья. Угрожающе ревели каменные и грязевые потоки в горах, и все что-то размывалось и рушилось. Старики говорили, что подобного на их веку не было, а значит, это является грозным знамением природы и грядущих еще больших бед.

Новая власть во время буйства стихии притихла, а директив из центра не поступало – село было полностью отрезано от внешнего мира. На это никто из селян не сетовал – внешний мир вызывал только тревогу, и когда связи с ним не было, наступал покой, как в давние времена. Но все преходяще: за разгульной весной, причинившей много вреда, пришло небывалое жаркое изнуряющее лето. Старики, сопоставляя разные годы, высказывались в том смысле, что такая жарища неспроста и что-то будет.

«Год Красного Быка, – качали они своими убеленными головами и бородами. – Бык еще себя проявит и забодает народ».

Работники сельсовета резко активизировали свою работу – начали перепись населения, ходили по домам, выясняли, кто чем «дышит», на какие доходы живет и, самое неприятное, составляли списки неблагонадежных людей. И в этом «черном списке» первым значилось имя Аржана – бывшего вождя кыпчаков.

А помогал в этом грязном деле односельчанин по имени Сыран, «окопавшийся» в сельсовете. У него были с Аржаном и его приближенными личные счеты. Еще до прихода советской власти Сыран работал пастухом, пас стадо овец, и однажды был уличен в воровстве. Это считалось преступлением. И Аржан на совете старейшин племени вынес приговор: публично всыпать Сырану двадцать пять плетей, а дальше перевести на «грязную» работу:

чистить конюшни и скотные дворы, заготавливать навоз и прочее. С тех пор Сыран, которого в народе называли на русский манер Засран, затаил злобу и ждал удобного момента, чтобы отомстить. И время таких обиженных настало с приходом советской власти.

Сыран втерся в доверие и стал работать в сельсовете сначала кучером, а затем снабженцем, выполнять ответственные поручения, в том числе составлять «черные списки». В августе 1937 года в селе впервые появились непрошенные «гости» из Бийска. Их было четверо: трое в штатском – работники органов НКВД и милиционер в форме. А начали они свою работу с дома Аржана. В сопровождении председателя сельсовета вся четверка, грохоча сапогами, ввалилась в дом. Вся семья находилась в сборе и в первый момент оцепенела от неожиданности.

Ялату на всю жизнь запомнился главный «энкавэдэшник» – чернющий, в черной кожаной куртке и с черными навывкате глазами.

– Начинайте, товарищи! – отдал приказание «чернющий», и его подручные стали копаться в вещах, заглядывая во все уголки дома.

Аржан сидел на тахте, положив ноги на шкуру медведя и держа в руках свою неизменную Библию.

– Что вы ищете? – спросил он «чернющего». – У нас нет ни золота, ни драгоценностей, ни мехов, ни маковых семян.

– Нэхорошо гавариш, старик! – сказал «чернющий» с сильным кавказским акцентом. – Мы нэ грабители, а прэдставители савэтской власти, мы пришли памочь трудовому народу избавиться от эксплуататоров – баев, кулаков и всэх врагов савэтской власти.

– У нас нет врагов власти. Мы, алтайцы, законопослушный народ и всегда мирно жили с любой властью. Наше племя, наш род – это единая семья, мы живем своим трудом, и у нас нет ни богатых, ни бедных.

– Ты нэ такой простой, старик! – мрачно изрек «чернющий», сверля Аржана горящими как угольки глазами. – Ты есть бывший староста, вот кто!

– Да, я был старейшиной, – пожал плечами Аржан. – Ну и что?!

– А мнэ адин хрэн – староста ли ты, старэйшин или кулак – это все нэтрудовой элемент, а значит, наш классовый враг. И люди гаварят, что ты плохо отзываешься о советской власти? Так?

– Это неправда. У нас нет таких людей, чтобы клеветали. Разве что Сыран, который пристроился теперь в сельсовете?

– Что читаешь, старик? Пакажи мнэ! – пророкотал своим низким голосом «чернющий», подходя вплотную к Аржану и протягивая руку.

– Библия. Духовная книга, – ответил Аржан. – Библия дается только в чистые руки.

– Ариша! Подойди ко мне, – подозвал он сестру. – Возьми Библию, теперь она твоя.

Ариша взяла Библию и крепко прижала ее к груди, отошла в сторону. «Чернющий» побагровел от гнева.

– Значит, религию гонишь в народ, старик! А таварищ Ленин сказал: «Религия – опиум для народа». А-а? Что ты на это скажешь, старик?

– Если бога нет – тогда все позволено! – ответил Аржан.

– Что ты сказал? Нэ понял! – он непонимающе уставился на него.

– Это не я сказал, а Достоевский – русский писатель. А я добавлю от себя: если не признаете бога и религию, то наступает духовная пустота, беззаконие и произвол.

«Чернющий» нечего не ответил. Он достал кисет с табаком, набил им деревянную трубку и закурил, выпуская из своего «золотого» рта клубы сизого дыма.

– Ну как дела, Валдис? – обратился он к своему помощнику – долговязому латышу с ледяными бесцветными глазами и тупым массивным подбородком.

– Нашли, товарищ Беридзе! – радостно откликнулся тот. Он подошел к своему начальнику, держа в руках небольшую деревянную шкатулку.

– Что там? Золото? Брильянты? – быстро встрепенулся Беридзе.

– Да нет! Царская награда – медаль.

Беридзе открыл шкатулку, вытащил медаль и прочитал: «За усердие». Затем глянул на изображение царя и, оторвав свой взор от награды, радостно оскалился, показав полный рот золотых зубов.

– Вот тебе и доказательства, что ты есть царский холуй, а значит, враг трудового народа. Именем савэтской власти ты арестован, – провозгласил Беридзе и кивнул своим помощникам: «Взять его под стражу».

Сидевший до этого молча Бронтой с женой и сыном, не выдержав, вскочили и попытались помочь отцу.

– Зачем вы трогаете старика?! – вскипел он. – Возьмите меня вместо него, мы одна кровь.

Туяа повисла на его плече, не отпуская от себя и держа другой рукой Ялата. Чекист окинул их мрачным взглядом, затем ухмыльнулся, показав рот из золотых зубов.

– Твоя очэрэдь нэ подошла! Падажди, дарагой!

Аржан поднялся с тахты, выпрямившись во весь свой богатырский рост, подошел к своим, попрощаться. Он снял висевшую на его шее родовую реликвию и повесил ее сыну.

– Что это ты даешь ему? – встрепенулся Беридзе.

– Да так, пустяк! Амулет, чтобы защищал от зла. Разве нельзя?

– Ладно. Пусть оберегает твоего сына пока, а там посмотрим, – многозначительным тоном ответил Беридзе.

Аржан обнял и перекрестил всех своих и твердым шагом пошел к выходу. На всю жизнь запомнился Ялату этот момент, когда его дед – высокий, прямой, с длинной седой бородой, словно пророк, уходил в неизвестность. Когда Аржан, конвоируемый чекистами, вышел на улицу, то увидел, как перед домом собралась огромная толпа людей, требующих его освобождения. Аржан одним движением руки заставил их замолчать и слушать, что он скажет.

– Возвращайтесь с миром по своим домам и не сопротивляйтесь властям. Не мстите Сырану: он получит Божье наказание по принципу «мера за меру». Он оклеветал меня и своих соплеменников своим поганым языком, и через язык будет наказан. Прощайте! Да хранит вас Бог!

Вместе с Аржаном чекисты забрали еще пять односельчан. Люди подчинились напутствию своего признанного вождя, молча разошлись по домам. И никто тогда не понял, о каком наказании говорил им Аржан. Но его предсказание сбылось: Сыран был наказан Божьей волей за свое предательство.

Через неделю после ареста односельчан его язык действительно стал распухать и, спустя немного времени, распух до такой степени, что он задохнулся. И никто не пришел на помощь иуде, получившему возмездие. Работники сельсовета тайно похоронили его, и никто больше не вспоминал Засрана.

В селе после прихода непрошенных гостей воцарился страх и тягостное ожидание новых испытаний. Дом Аржана с его уходом осиротел, пустовало дубовое кресло деда, на котором он сидел во главе семейного стола, одиноко стояла его тахта, не слышно было в стенах его звенящего, радующего слух голоса. В доме воцарилась тягостная тишина.

Ялат болезненно переживал арест деда. Он вспоминал обо всех удивительных историях, рассказанных ему дедом. Дед Аржан много поведал Ялату о богатствах и тайнах Горного Алтая.

– Наш край самый богатый, недаром к нему тянулись художники, рудознатцы и разные ученые люди. Только у нас есть загадочная гора Здоровья. Она похожа на перевернутый вверх дном котел – у нее крутые ровные склоны и гладкая плоская вершина. Кому удавалось подняться на гору и посидеть немного на вершине, у того прибавлялось сил и исчезала всякая хворь. С этой горы люди возвращались совершенно здоровыми и как бы помолодевшими. Мой брат Юнэй побывал со своими друзьями на этой горе. Он был в нашем роду какой-то особенный, не от мира сего – царство ему небесное. Пошел не по нашему пути: связался со старателями, искателями золота, шастал с ними по горам, и эта страсть сгубила его.

– А что случилось с твоим братом? – поинтересовался Ялат.

– Это осталось нераскрытой тайной, ну да расскажу тебе что знаю. В Горном Алтае у гор Акташ есть таинственное озеро, прозванное в народе озером Горных духов. Оно издавна считалось запретным для людей, ибо охранялось силами зла – горными духами. Смелчаков, отважившихся побывать в этом злосчастном месте, ждала мучительная смерть. Но это не остановило моего брата, который решил разгадать тайну озера Горных духов.

И вот представился случай: он с друзьями в поисках золотых жил оказался у этого озера. Золота они так и не нашли, и тогда он уговорил своих дружков спуститься в Акташскую котловину, к озеру. Юнэй обвязался канатной веревкой и стал спускаться по крутому обрыву, а дружки поддерживали его сверху. А скалы в том месте были необычные – красного цвета, как запекшаяся кровь, а по ним сочилась тяжелая жидкость свинцового цвета, такого же цвета было и озеро внизу котловины. Только у Юнэя уже не хватило сил дальше спускаться. От удушающего запаха, идущего от скал, ему сделалось плохо, и дружки едва его вытащили. По их словам, Юнэй задышался и корчился в судорогах, у него была бредовая речь, и после сильного припадка он скончался. Дружки ничем не могли ему помочь и схоронили его в горах, возле этого злосчастливого озера. Так и осталось неизвестным, что случилось со здоровым, крепким парнем, – горы не открывают своей тайны.

– Есть еще одна тайна, которую хранит Горный Алтай, – говорил Аржан, – никому не ведомо о сказочной стране Шамбала, которую пытливые умы ищут в Индии и Тибете. А она находится у нас на Горном Алтае!

– И ты знаешь это место? – удивлялся Ялат.

– Знаю, – отвечал Аржан. – Она находится внутри самой высокой горы Белуха, там, где много пещер, а севернее их есть вход в Шамбалу – но это никому не ведомо. Многие пытались найти вход в Шамбалу, но никому это не удавалось. Белуха – священная гора, и чтобы найти в нее вход, человеку нужно изменить свое сознание, а это современным людям не под силу. Шамбала – это земной рай, и попавшие в него оттуда не возвращаются и остаются там навсегда.

– А ты, дед, хотел бы попасть в Шамбалу? – допытывался Ялат.

– Шамбала – это мечта, но несбыточная. Нельзя уходить от себя, своих соплеменников и родной земли. Запомни, Ялат, каждому следует нести свой крест до конца, так учит нас Библия.

И вот деда Аржана грубо, как преступника, взяли из дома, оторвали от своего народа и увезли на суд. В чем его вина? Ялат, для которого дед был высшим авторитетом, терзался в мучительных раздумьях.

Беспокоили Ялата и произошедшие перемены в жизни отца. После того как забрали деда, Бронтоя отстранили от работы в заготовочной конторе «Алтайпушнина». Ему пришлось стать простым охотником, промысловиком и подолгу пропадать в тайге, охотясь на пушного зверя.

В школе у Ялата тоже появились осложнения после того, как все узнали об аресте его деда. Некоторые одноклассники Ялата стали относиться к нему неприязненно и даже враж-

дебно, называя «внуком кулака». Требовали от него даже отречься от своего деда по примеру пионера Павлика Морозова, выдавшего чекистам своего отца за пособничество кулакам.

Возникшую между школьниками «классовую войну» остановила их учительница Зоя. На пионерском собрании она осудила травлю Ялата воинствующими учениками. Ялату запомнились ее слова о том, что дети не отвечают за поступки дедов, отцов и всех родных. Она разъяснила ученикам, что аресты в селах еще не означают приговор этим людям, пока суд не установит их вину. Советская власть – народная и самая справедливая в мире, а значит, не осудит невиновных.

Учительница Зоя, добрая по натуре и искренне верящая в справедливость, делала все возможное, чтобы успокоить растревоженную душу своего лучшего ученика Ялата. Она загружала его учебой, пионерскими поручениями, проводила беседы о прочитанных книгах. И Ялат старательно впрягся в учебу, он по-прежнему ходил за несколько километров в школу, невзирая на непогоду, а вечерами при свете свечи готовил уроки.

Удручало Ялата еще и здоровье любимой тетушки Ариши. В последнее время она слегла и больше не вставала. Арест брата стал для нее страшным ударом, она поняла, что простилась с ним навсегда – он больше не вернется. Мать Ялата Туяа заботливо ухаживала за ней, поила ее разными снадобьями, но ничто не помогало. Ее силы таяли, и до последних дней Аришу не покидало предчувствие беды – новой жертвы, которая падет на их дом. И все чаще ее мысли неотвязно касались Бронтоя, которого она воспитала с детства и любила как сына. Незадолго до кончины она подозвала к себе Бронтоя и призналась ему:

– Слушай, сынок, меня не отпускает предчувствие надвигающейся беды. Зло, унесшее твоего отца, вернется снова в наш дом, но ты должен одолеть его, ведь Бронтой по-кыпчакски означает «побеждающий зло». Это имя дал тебе отец. Я хотела назвать тебя русским именем – Георгий в честь святого апостола Георгия Победоносца – ведь ты родился в день его поминовения 23 апреля. Но Аржан настоял на родовом кыпчакском имени, хотя они близки по духу. Носи всегда камень-талисман, знак власти и силы нашего рода, а когда наступит время, передай своему сыну. И последнее мое пожелание: уходи вместе с семьей к черным найманам – там ваше спасение.

Ариша ушла из жизни так же тихо и спокойно, как и прожила свою жизнь. Это случилось в лютую декабрьскую стужу. Небо с утра затянуло мглой, и с вершины горы Тугай накатывались снежные вихри. За окнами крупными хлопьями валил снег, крутился в струях ветра, закрывая снежной занавеской оконные стекла. А в доме было тепло и тихо. В спальне, где лежала Ариша, горели три свечи. Бронтой сидел рядом с ней, держа в своих широких ладонях ее сухонькую холодеющую руку. Она пошевелила губами и прошептала наклонившемуся к ней Бронтою: «Уходите от беды. Храни вас Бог...»

Ее большие серые глаза закрылись, и рука безжизненно застыла в ладонях Бронтоя. В этот момент, запомнившийся Ялату, свеча, горевшая ближе к тетушке, погасла. Это была последняя жертва уходившего сурового года Красного Быка. А впереди их ждали новые испытания и новые беды тоже.

...Новый 1938 год начался в селе незаметно. В новогоднюю ночь все сидели тихо в своих домах. Только в доме сельсовета не обошлось без шума, пальбы, выпивки – пришлые люди (как их называли кыпчаки) веселились своей компанией. Наступили жуткие январские морозы, ледяющие тело и душу. Снежные заносы и метели, как всегда, надолго сковали движение по дороге, и связь с внешним миром прервалась.

Ялат со своими сверстниками на лыжах добирался до школы в селе Светлый путь. Его не останавливала непогода. Начитавшись своего любимого писателя Джека Лондона, он старался подражать его героям и испытывал себя на прочность. Однажды он ушел в метель, встав пораньше, пока родители спали. Туяа проснулась вскоре после его ухода с тяжелым предчувствием. Она растолкала безмятежно спавшего мужа.

– Ялат ушел, а на улице снежная буря! – тревожным голосом сказала она. Ее лицо потемнело, а глаза превратились в щелки. – Скорее, Бронтой, беги за сыном.

Бронтой моментально оделся, взял охотничье ружье и на лыжах по следу устремился вдогонку за сыном. Он подоспел вовремя: Ялат и трое его сверстников, прижавшись к крутой скале, отбивались от трех наседавших на них волков. Ребята плотно прижались друг к другу, выставив вперед как пики свои лыжные палки, обороняясь от волков. Бронтой выстрелами разогнал волков, пристрелив одного из них. После этого он вернул ребят обратно в село и строго-настрого запретил Ялату в темную зимнюю пору ходить в школу. Бронтой загрузил сына хозяйственными делами, а в свободное время Ялат, чтобы не отставать, прорабатывал самостоятельно учебники.

Зима была затяжной с обильными снегопадами и вьюгами. Смутная волна неясных ожиданий нахлынула на Ялата в марте, когда на свинцово-сером небе наконец-то выглянуло белое весеннее солнце. Весна всегда была для алтайцев благодатным подарком природы, возвращением к жизни после мертвого затишья зимы.

Солнечный свет, сверкающий снег, весенние крики птиц радовали Ялата. Он ходил к горе Тугай, смотрел на ее покрытые белым покрывалом склоны, и у подножья горы, в проталинах, разводил костерок. Сидя на корточках, он вдыхал запах талого снега, запах пробуждающейся земли и замороженным взором глядел на прыгающее пламя костра. Но долго усидеть на корточках не мог, вставал и уходил дальше в лес, вдыхая в ноздри неповторимый аромат тайги.

Ему нравились эти бесцельные и безмятежные хождения по тайге. Нравилось находиться наедине с собой, наедине с природой. Она заряжала его бодростью и вносила в его душу радость и надежды, а мысли его неотвязно возвращались к школе, к пионерскому отряду и его товарищам. Еще он скучал по своей однокласснице Гале – дочери русского фельдшера, приехавшего на Алтай из Центральной России. Это было его первое робкое чувство, в котором он боялся признаться.

Как только наладилась погода, Ялат с восторженным ожиданием устремился в школу. Там его поджидали первые огорчения. Его учительницу Зою, которая с самого начала вела их класс, отозвали в Бийск. Она попрощалась с ребятами и задержала свое внимание на любимом Ялате.

– Желаю тебе закончить школу и учиться дальше. Ты станешь хорошим специалистом – природа тебя не обидела, а упорства тебе не занимать. Ведь ты же «крепкий орешек» – так, кажется, звучит твое имя, счастливого пути тебе, Ялик!

Учительница Зоя по-прежнему верила в справедливость и гуманность, верила в светлое будущее и даже не предполагала, что ждет ее завтра. А на ее место заступил новый учитель и классный руководитель по прозвищу Фитиль. Долговязый, худой, с болезненным пожелтевшим лицом, растерявший свое здоровье на полях Гражданской войны. Человек с неустойчивой психикой, вспыльчивый, вспыхивающий по каждому пустяку, за что и получил такое прозвище. Не обладая достаточными профессиональными знаниями и педагогическим опытом, но имея партийный билет, он направил все силы на перевоспитание своего класса. При первом знакомстве с классом его встретили настороженно и с неприязнью.

– Почему уволили нашу учительницу Зою? – спросил новоявленного воспитателя Ялат.

– За ошибки, допущенные в вашем воспитании, и потворство сынкам кулаков! – выпалил как из пушки побагровевший Фитиль и закашлялся от волнения. – Но я покончу с вашей анархией. Наша партия, комсомол и пионерия построены на железной дисциплине и коммунистическом сознании. И наши принципы – превыше всего. И каждый из вас должен усвоить это, ежели хочет быть в нашем едином строю. Наш лозунг: «Кто не с нами – тот против нас».

Свою работу по идеологическому перевоспитанию класса Фитиль начал с пересмотра школьной библиотеки, созданной с большим трудом учительницей Зоей. Из нее были изъ-

яты книги классиков – от Пушкина до Чехова, как буржуазные, а потому бесполезные и даже вредные для молодого поколения. Их место заняли пролетарские писатели Горький, Островский, Маяковский и другие, менее именитые авторы.

Основное внимание Фитиль направил на политбеседы, изучение истории коммунистической партии (ВКПБ), агитационных брошюр и передовиц газет. Он донимал учеников непомерными требованиями к пониманию своего предмета и по этому признаку выделял среди учеников «своих» и «чужих». Особенно Фитиль с первого дня невзлюбил Ялата.

– Послушай, Аржанов, ты числишься лучшим учеником, а в политграмоте ты – нуль, – сказал Фитиль, начав свою проработку. – А все это происходит из-за твоего нетрудового происхождения. Дед твой арестован как враг народа, отец – кулак, мать – шаманка, я все о тебе знаю. Видишь, в каком болоте ты оказался – выход один: ты должен осудить своих предков и отречься от них. Если ты, конечно, настоящий пионер, как Павлик Морозов – вот пример для подражания.

– Это неправда! – воскликнул в запальчивости Ялат. – Мой дед и родители – уважаемые на Горном Алтае люди, и я горжусь ими. Вы хотите сделать из меня иуду-предателя? Не дождетесь!

– Ах вот как ты заговорил, чучмек, кулацкое отродье! – завопил Фитиль, приходя в ярость, и взмахнул правой рукой, словно рубил шашкой. – Да я тебя, буржуй недорезанный, вычищу из пионеров.

Эта угроза через несколько дней осуществилась. На пионерском собрании, проходившем под председательством Фитиля, был поставлен вопрос об исключении Ялата Аржанова из рядов пионерской организации за недостойное поведение и кулацкое воспитание. Несмотря на всю абсурдность обвинений, собрание проголосовало за исключение Ялата. Только немногие и среди них его подружка Галя проголосовали «против». Ялат был потрясен случившимся. Галя, как могла, пыталась его утешить.

– Ты прости их, Ялат, они запуганы Фитилем, да и родителями тоже. Все боятся – сам знаешь, какое время трудное мы переживаем, когда кругом враги советской власти.

– Нет, они мне теперь не товарищи. Раз предали один раз, предадут и второй. А мой дед Аржан говорил мне не раз: «Человек всегда должен оставаться самим собой, чтобы мысли не расходились с его поступками». Это не пионеры, а стая трусливых шакалов. Тьфу на них!

И Ялат покинул школу угнетенный и растерянный. Несколько дней он не ходил в школу, никому ничего не рассказывал, замкнулся в себе и находил отдушину только в хождении в лес. Наконец он не выдержал и пошел в школу – он решил испить свою горькую чашу до дна.

В стенах его родной школы царила гнетущая обстановка. Его товарищи избегали с ним общаться и, потупив взор, уходили в сторону, точно он был прокаженным. Ялата сразу же вызвали к директору школы. Он был местным казаком, уже немолодой учитель, собравший в свою школу ребят многих алтайских национальностей.

Директор старался сплотить воедино многонациональный школьный коллектив, построить новые советские отношения, избежать всяких распрей между ребятами и учителями. Это ему удавалось делать, но в последнее время он почувствовал, что его директорское кресло (а вернее, старый канцелярский стул) зашаталось под ним. Директор осознал, что его в любой момент могут заменить каким-нибудь приезжим русским с партийным билетом, как это произошло с Фитилем. Этот смутьян, которого недолюбливали и боялись все, прямо заявил ему, что он должен исключить Ялата из школы, иначе будут неприятности. И директор должен был, скрепя сердце, принять жестокое решение.

Войдя в кабинет директора, Ялат остановился в нерешительности, глядя на нахмуренное, с опущенными веками лицо старого учителя.

– Садись, Аржанов, – сказал глухим голосом директор. – Ты один из способных и успевающих учеников, и это правда. Но твое поведение в последнее время несовместимо с уставом пионерской организации, грубость по отношению к классному руководителю и систематические прогулы вынуждают меня исключить тебя из нашей школы. Придет время, и ты все поймешь.

– А я и так все понял, Марат Салимович, – сказал Ялат, вставая со стула. – Спасибо за знания, которые я получил в школе – они мне пригодятся в жизни. До свидания!

Выйдя в опустевший коридор (начались уроки), Ялат стал дожидаться перемены, прислонившись к окну и глядя рассеянным взором в окно на школьный участок с еще не распустившимися низкорослыми деревцами, посаженными на уроках труда пионерами. Здесь было и его неприхотливое деревце, а рядом с ним – его подружки Галя. Теперь их пути разойдутся, и от этой мысли стало еще тоскливее на душе. Он вздрогнул от резкого звонка на перемену.

Его одноклассники гурьбой выскочили из класса и среди них его Галя. Она подбежала к нему, стройная, в строгом ситцевом платье, с копной каштановых непокорных волос. Ялат почувствовал запах ее волос, увидел восторженные глаза и вздрогнул от прикосновения ее горячих рук.

Юность – прекрасная пора, когда возникает еще до конца не осознанное первое чувство, когда сердце готово вырваться из груди даже от случайного прикосновения рук любимой. В жизни своей Ялат еще не знал, что есть такая радость – радость первой любви. А эта юная девушка Галя, неожиданно наполнившая его жизнь, – настоящий подарок судьбы. Он стоял, растерянный от смущения и опьяненный близостью ее гибкого упругого тела. Ялат хотел много ей сказать, но она прервала его мысли.

– Я все знаю, но ты не отчаивайся, – взволнованно сказала Галя. – Мы с ребятами написали коллективное письмо в РОНО в Улалу о несправедливых решениях в отношении тебя. Ты знаешь, нас поддержал физрук Денис Иванович. Он сказал, что Фитилю не поздоровится за то, что обзывает коренных алтайцев «чурками» и «дикарями». Вместе с ним мы будем добиваться, чтобы тебя восстановили в школе и в пионерах.

Их окружили ребята с шутливыми возгласами радости и поддержки. И от этого на душе Ялата просветлело – ведь дружба юности выше всего. Звонок на урок прервал их встречу. Галя, едва дотянувшись до Ялата, обхватила его шею и поцеловала. За всю их дружбу это был первый поцелуй.

– Я буду ждать твоего возвращения, – шепнула ему на ухо Галя и, оторвавшись от него, поспешила в класс. В дверях она на миг еще задержалась и махнула ему рукой. А потом дверь гулко захлопнулась, и стук болью отозвался в его сердце, словно с этим закончилась самая светлая и радостная пора его юности.

Колыбташ – путеводный камень

С того времени прошел месяц. С наступлением лета ярко засветило солнце на поголубевшем небе, и все вокруг изменилось: горы, улицы и сами люди. Склоны главной горы Тугай, освободившись от снежных завалов, оделись зеленым нарядом. Только вершина горы оставалась белой и сверкала на солнце как маяк, видимый издалека. Село оживилось. Люди высыпали на улицы, расчищая их от сломанных деревьев, изгородей и разного хлама, оставшегося после жестоких зимних бурь и лихого весеннего половодья. Село напоминало старый потрепанный корабль, выдержавший шторм и нуждающийся в косметическом ремонте.

На бледных лицах селян появились улыбки, а глаза радовались яркому солнцу, теплу и смутным ожиданиям, накатывающимся всегда с приходом лета. Охотники готовились к новому сезону, садоводы-огородники допоздна копались на своей земле. Словом, начало лета было желанным откровением жизни, возвращением к ней после зимне-весеннего застоя.

Второй приметой наступающего лета было ожидание. Когда открылась дорога, соединившая село с райцентром, стали ожидать привоза муки, сахара, крупы и других бакалейных товаров. Ждали новостей из беспокойного, неизвестно куда несущего внешнего мира – то ли в сказочное светлое будущее, то ли в темную пропасть. Исключенный из школы Ялат не сдавался и штудировал учебники по всему курсу шестого класса. У него еще теплилась надежда на восстановление в школе, и тогда он смог бы сдавать экзамены. Но вестей из школы не было. Молчала и его подруга Галя.

Бронтой, видя переживания сына, пытался всячески успокоить его и настроить на новый лад:

– Послушай, Ялат, ты и так самый образованный в нашем племени. Можешь читать и писать по-русски, знаешь многие предметы, о которых у нас нет понятия. Зачем тебе дальше учиться? – спрашивал он у сына.

– Я хочу дальше учиться, чтобы обрести знания, нужные для специалиста.

– А кем бы ты хотел быть?

– Я хотел бы быть таким, как твой дядя Юнэй, – ответил, немного подумав, Ялат.

– Ты знаешь, что с ним случилось на озере Горных духов?

– Знаю, мне дед Аржан рассказал эту историю. Беды случаются от незнания и неосторожности. Поэтому я и хочу овладеть знаниями, где и как искать золото, серебро, медь и другие полезные ископаемые. Наш Алтай богат ими – наша учительница Зоя как-то пригласила на урок старого искателя, их называют геологами, и он два часа рассказывал нам о богатствах Алтая и своей профессии. Если бы ты знал, какая это увлекательная профессия – искать природные богатства.

– Может быть, ты и прав, сынок, но время сейчас беспокойное. Сначала нужно пережить и преодолеть эту смуту, – сказал Бронтой.

– Переживем, отец, – бодро, как пионер, ответил Ялат.

У самого Бронтоя с приходом лета наступило тягостное ожидание чего-то неотвратимого, нависшего над ним и его семьей. Как-то он зашел в сельсовет и осмелился справиться о судьбе своего отца. Председатель сельсовета смерил его с головы до ног презрительным взглядом.

– Твой старик арестован органами НКВД как враг народа, – отрезал председатель сельсовета. – Ты лучше подумай о себе, своей бабе и сыне. Живи лучше тихо и старайся своим трудом и поведением искупить свою вину перед народом.

– У меня нет никакой вины ни перед народом, ни перед властью, – твердо ответил Бронтой.

Он повернулся и вышел, хлопнув дверью.

На следующий день к Бронтою домой зашел его сосед Радим. Ему было далеко за шестьдесят, хотя в это верилось с трудом благодаря живости его ума, неутомимому трудолюбию и способности постоянно быть в курсе всех событий, происходящих в селе. Радим был единственным коренным жителем, работающим в правлении сельсовета, он был счетоводом и знал о многом, что происходит в его стенах.

– Мне удалось узнать, Бронтой, что составлен новый черный список, и в него внесены ты и твоя семья. Недалек час, когда снова нагрянут «красноперые», и тогда жди беды. Уходи с семьей к найманам и отсидись там до осени – дороги оттуда никто не знает. А там видно будет.

– Спасибо, дядя Радим, – сказал Бронтой и принял наконец давно задуманное решение. Вспомнил он и об обещании, данном тетушке Арише перед ее смертью.

На следующий день на рассвете Бронтой с женой и сыном, навьючив поклажей единственную (оставшуюся после реквизиции) лошадь и захватив сторожевого пса Буяна, отправились в далекий путь в племя найманов. Ялат со своей матерью были озадачены таким неожиданным решением Бронтоя, но вопросов не задавали – значит, так нужно. Они шли по едва приметным тропам, делая короткие остановки для отдыха, и к вечеру добрались до селенья найманов.

В широкой изумрудно-зеленой долине, опоясанной грудой холмов, белели юрты. Их было много – целый городок белоснежных, словно лебеди, юрт, собранных стройными рядами. На зеленых склонах холмов виднелось непрерывное движение белых пятен – но это уже отары овец. Возле юрт у коновязей пофыркивали кони, из железных труб под сводом юрт струился сладковатый кизячий дым. Этот дым, смешанный с запахом кислого молока, луговых трав снимает напряжение, укрепляет душу надеждами. Здесь другой мир – мало изменившийся за века, еще не затронутый цивилизацией и революционными бедами.

Кто такие найманы и как они оказались на Алтае? Если спросить коренного алтайца, то он наверняка скажет, что «найма» – река, впадающая в большую реку. А найманы – древний многочисленный народ, который считают монгольским племенем. Ко времени Чингисхана найманы образовали несколько крупных ханств, занимающих огромную территорию от реки Орхон в центре Монголии, где была основана впоследствии столица Монгольской империи (Каракорум) и до реки Иртыш в Сибири. Сколько было этих ханств? Старики говорят восемь, по-монгольски «найм». Отсюда, говорят, и название народа появилось. Чингисхан разгромил эти ханства, и большая часть найманов ушла на запад и частично осела на равнинах и предгорьях Алтая. Несколько племен и среди них «черные найманы» обосновались на Горном Алтае, вблизи границы с Монголией, в самых глухих местах, куда еще не проникла советская власть.

Найманы всеми силами старались удержать свою независимость. Горы и дремучие леса защищали их от Советской России, но в эту сторону они смотрели с опаской и готовы были в любой момент поднять свой кочевой табор и уйти через перевал в Монголию. Найманы – дети природы. Они гостеприимны и доброжелательны, не держат зла ни на кого, а потому их души открыты, а лица светятся улыбками. У найманов издавна бытовала поговорка: «Гнев – это ветер, задувающий свечу мудрости».

Когда Бронтой с семьей устало подошли к первой юрте на краю села, от нее отделилась старая женщина и поднесла Бронтою на вытянутых руках большую пиалу с кумысом. Знак уважения и гостеприимства. Бронтой отпил глоток хмельного напитка, затем передал пиалу жене, а та в свою очередь отдала сыну – таков был древний ритуал найманов. Их окружила целая толпа обитателей аула с восторженными возгласами и улыбками. Они радовались приходу желанных гостей.

К ним подошел сам вождь Алтангэрэл, лет пятидесяти, коренастый, крепкого телосложения с бритой круглой головой, похожий на борца.

– Я рад видеть тебя, сынок, и твою семью. Мы породнились, и теперь мой дом – твой дом. Живи у нас, сколько пожелаешь. Сегодня отдыхайте в гостевой юрте, а завтра вам поставят семейную юрту – в любом месте, где пожелаете.

Вождь отдал распоряжение, и усталых путников отвели в просторную юрту для почетных гостей, где их напоили традиционным зеленым чаем с молоком и масляными лепешками с вяленным мясом.

На следующий день семейство Бронтоя переехало в новую юрту, которую поставили на живописном лугу у журчащего вблизи ручья. Все складывалось удачно для жилья и отдыха. Однако Туяа и не думала отдыхать – она соскучилась по своей работе целительницы. Ее здесь хорошо знали, были рады появлению и ждали, когда она начнет принимать.

По ее просьбе рядом с семейной юртой поставили манхан – войлочную палатку, которую Туяа с помощью сына превратила в медицинский пункт. На деревянном столике у северной стены манхана Туяа разложила пучки лекарственных трав, настои на травах и кореньях, готовые лекарства, взятые из дома. Помимо траволечения Туяа владела древним искусством массажа и могла своими умелыми руками снимать боль в любом месте тела. Целительные способности у нее были от природы, а приобщила ее к этому делу мать – знахарка, лечившая соплеменников от всех болезней.

Готовясь к открытию медицинского пункта, Туяа поставила посередине стол, накрыла его белой скатертью, расставила стулья, а затем зажгла лампадку. Ароматный запах благовонных трав заполнил палатку. Все было готово: Туяа надела белый халат и приготовилась к приему. Пациенты не заставили себя долго ждать, к ней потянулись многие, выстраиваясь в очередь возле палатки. По неписаным правилам пациенты приходили к целительнице с подарками – несли лакомства из молочных пенек, сухой творожный сыр, масляное печенье и даже рубленое мясо с крахмальной лапшой. Целыми днями Туяа сидела на приемах больных и только к вечеру, усталая, но счастливая, возвращалась в свою юрту, к своей семье.

Бронтой тоже не остался без дела: по просьбе вождя Алтангэрэла он советовал местным охотникам, как правильно обрабатывать шкурки ценной пушнины – соболей и белок, проводить сортировку и определять цены готовой пушнины на продажу. Пригодился бесценный опыт, приобретенный им в его заготовительной конторе «Алтайпушнина». Пользуясь случаем, он частенько ходил на рыбалку на ближайшее озеро, отводя душу заядлого рыбака, и возвращался домой с богатым уловом.

Один Ялат чувствовал себя как неприкаянный, выброшенный из привычной обстановки в незнакомый, чужой ему мир. Первое время он ходил с отцом на рыбалку, бродил по тайге, но вскоре ему наскучило. В селе было много его сверстников, но контакта с ними не получилось. В первый же день своего пребывания на земле найманов его окружила ватага двенадцатилетних-пятнадцатилетних подростков. Ялат был одной крови с ними по матери, но не знал их языка, а они ни слова не говорили по-русски. И внешне он – высокий, светложкий, с голубыми глазами резко отличался от них, был «белой вороной» в их стае.

Его пытались испытать на прочность. Подвели строптивого коня и знаками предложили на нем прокатиться. Ялат, не раздумывая, вспрыгнул на него, и, потянув поводья, пустился вскачь, но строптивый конь, почувствовав чужого седока, вскоре скинул его на зеленый луг. Ялат поднялся под смех и улюлюканье найманских ребят. Их вожак – самый рослый и сильный, показывая свою силу, оттолкнул Ялата, другой поставил подножку, и он упал. Ялат быстро вскочил и накинулся на своего обидчика. Вот здесь как нельзя кстатигодились уроки бокса, полученные в школе. Через минуту противник Ялата уже лежал на земле, и больше желающих помериться с ним силой не оказалось.

После этого случая ребята, оценив силу Ялата (сила всегда в почете), пытались с ним подружиться, вовлечь в свои игры, но они были чужды Ялату, воспитанному в советской школе. Он вспоминал школу, спортивные игры – волейбол, футбол, спортивную борьбу, многое другое, что открыл их физрук Денис Иванович. Вспоминал Ялат и свою подружку Галю и томился от всего случившегося с ним.

Но нет худа без добра. Однажды Ялат, бродя бесцельно по селу, набрел на одинокую юрту, стоящую у подножия зеленого холма. Возле юрты сидел на корточках бритоголовый старик и перебирал кучу камней, пытаясь что-то найти среди них. Увидев Ялата, старик приветливо улыбнулся ему и жестами пригласил его подойти. Он что-то пытался объяснить Ялату, повторяя все время одно слово «колыбташ» и показывая на сваленные у юрты камни. Потом старик пригласил Ялата в свою юрту и с гордостью стал показывать ему свои изделия, сделанные из камня. На деревянном столике красовались фигурки различных животных, птиц и шаманских божков, вроде того бронзового, который был у матери Ялата в ее медицинской палатке.

Ялат с большим интересом разглядывал эти рукотворные изделия, а старик, довольный произведенным эффектом, повторял: «колыбташ». Ялат понял, что это название того камня, который лежит возле юрты. Но как можно из камня сделать лошадку, собаку или божка? И старик, словно угадав его мысли, показал Ялату свой нехитрый инструмент: стальные резцы и клинья, ручную пилу, нож, молотки, абразивный круг. Старик наглядно показал, как нужно пользоваться инструментом при обработке камня.

Затем, когда они вышли из юрты, он показал на лежащий на земле камень, покачив бритой головой, разведя руками. Что-то его не устраивало в этих камнях, и он пытался объяснить Ялату. Наконец он, взяв молоток, приложил к камешку – они были мелкие, размером с кулак. Но где взять большие? Старик встал и махнул рукой в сторону гор. Это заинтересовало Ялата, он загорелся желанием найти самому этот камень. Но надо расспросить старика, где его искать и какой ему нужен конкретно. Здесь не обошлось без помощи Туяи. Ялат сбегал за ней и медицинскую палатку и привел мать к старому мастеру. Туяа хорошо его знала и, расспросив старика, рассказала обо всем сыну.

– Зовут этого почтенного человека – Бата. Он у нас, найманов, заслуженный мастер-умелец, который из местного камня – колыбташа – изготавливает всевозможные поделки. Они пользуются заслуженной славой, и их охотно покупают наряду с пушниной заезжие купцы из Китая. Бата использует для поделок только мягкий колыбташ розового и желтого цвета, который он приносит из ущелья напротив его юрты. Сейчас запасы камня у него истощились, остались только мелкие и негодные. А ему нужно хотя бы несколько крупных камней – он хочет сделать чашу и кубок. Сам Бата уж стар и ноги не ходят, и он просит тебя достать ему этот камень. Ты сможешь это сделать – ведь ты уже большой и сильный.

– Конечно, мама, – заговорил Ялат. – Я хоть сейчас схожу в это ущелье за камнями.

Туяа перевела мастеру ответ сына, и тот, благодарно кивнув головой, стал что-то быстро объяснять.

– Бата сказал, что тебе лучше отправиться за камнями завтра, ранним утром, когда солнце входит в темное ущелье и восточная сторона становится светлой. И там, среди серых тусклых камней ты найдешь розовый как заря колыбташ. Иди вдоль речки вверх по ущелью, смотри под ноги – найдешь первый камешек – колыбташ, он приведет тебя к месту, где их много.

– Я все понял, мама. Мне это знакомо – ведь у меня были уже походы с пионерским отрядом в горы.

– Ну и хорошо, сынок, я верю, что тебе это по плечу – ведь ты у меня «крепкий орешек». Сейчас мастер Бата даст тебе все необходимое для твоего похода.

И мастер дал Ялату увесистый молоток для разбивки камня, стальное зубило и холщовый мешок с завязками для сбора камней. Взял Ялат с собой и небольшой кусок розового колыбташа, как образец, по которому он будет подбирать камни.

В ту ночь, накануне своего выхода за камнем, Ялат плохо спал. Едва рассвело, он был уже на ногах. Тихо, чтобы не разбудить спящих родителей, он вышел из юрты. Село еще спало, только в нескольких юртах клубился дым от железных труб. Пройдя мимо юрты мастера Баты, Ялат направился к ущелью, окаймленному грядой оголенных холмов, едва заметных в сером утреннем тумане. Когда он поднялся по пологому склону и вошел в ущелье, навстречу пахло утренней сыростью и холодком. На дне ущелья мерно журчал ручеек, омывая разноцветные собранные отовсюду камешки.

Ялат медленно шел вдоль ручья, время от времени останавливаясь и разглядывая камни в воде. Он держал в руке образец взятого у мастера колыбташа, сравнивая его с камнями в ручье, но ничего похожего не находил. Но Ялат не унывал и продолжал свой поиск.

Двигаясь вдоль ручья, он крутил головой влево-вправо, вглядываясь в обнаженные борта речной долины. Но в них выступали однообразные серые камни, которые он определил как песчаники. Когда он прошел еще несколько сот метров, ему повезло. В ручье среди серых песчаников он нашел угловатый камень размером с кулак нежно-розового цвета. Ялат проверил его на твердость, царапнув ножом, – камень был мягкий. Вытащив из кармана образец колыбташа, он сравнил оба камня – они были совершенно одинаковыми. Сердце Ялата учащенно забилося, он нашел первый камень – колыбташ. Он пошел еще медленнее и все чаще наклонялся, радуясь новым находкам. Но где же скрывался источник этих камней, попавших в ручей? Восточный склон ущелья, о котором говорил старый мастер, плохо освещался.

Ялат присел у ручья, отпил чистой ледяной воды и стал всматриваться в восточный, затемненный пока склон. Он ждал недолго. Неожиданно небо над головой – серое и холодное как сталь, вдруг, словно зажженное рукой волшебника, полыхнуло призрачно-алым цветом. Ялат поднял голову и увидел, как над грядой холмов зажглась заря, и словно заревом пожара охватила пробуждающееся небо. Он был потрясен быстро меняющимися красками в горах – такое зрелище он наблюдал впервые. И вот на его глазах из-за гряды холмов робко выглянул краешек, а затем и весь солнечный диск. Вершины и склоны угрюмо-застывших холмов внезапно ожили и окрасились в оранжевые и розовые тона, как утренняя заря. Восточный склон ущелья озарился, и стали отчетливо видны пласты, слагающие его пород. Ялат, поднявшись на узкую речную террасу, пошел вдоль подножья склона, всматриваясь в камни.

Ему повезло: он наткнулся на осыпь из розоватых камней – это был колыбташ. Камни свалились откуда-то сверху, где, по-видимому, находился источник. И Ялат принял правильное решение. Он стал подниматься по пологому склону, ориентируясь по розовым камешкам, которые вели его все выше и выше.

Наконец каменная дорожка привела его к крутой, обрывистой стенке. Возле нее на поверхности лежала груда розовых камней. Эти же камни выступали в самой стенке в виде мощного пласта. Трещинами продольными и поперечными пласт колыбташа (а это был он) был разбит на куски толщиной до 20–30 сантиметров. У Ялата перехватило дыхание от радости. Он справился с заданием – нашел этот колыбташ, свой первый полезный камень!

Орудя молотком и стальным клином, Ялат отобрал из «жилы» первую партию самых крупных камней, наполнил ими мешок и, довольный своей добычей, отправился в обратный путь. Груз был нелегким и ломил плечи и спину, он несколько раз останавливался и делал передышку. Возле юрты его радостно приветствовал мастер Бата. Ялат высыпал возле юрты свою добычу и, переведя дух, застыл в ожидании того, что скажет мастер. Старый мастер осмотрел каждый камень, его темное как мореный дуб лицо просветлело, а сжатые губы

расплылись в улыбке. Он что-то одобрительно сказал по-наймански, а затем по-русски – «хорош» и затряс руку Ялата.

Попив и слегка перекусив в юрте у Баты, Ялат снова отправился за камнем. Его уже нельзя было остановить. Он сделал еще пару рейсов и успокоился, когда у юрты старого мастера образовалась приличная горка розового колыбташа. Усталый, но счастливый своей удачей, вернулся Ялат в свою юрту. Туяа ничего не спрашивала – по лицу сына она поняла, что он справился с необычным делом. В эту ночь Ялат спал сном праведника. Ему снились горы, ущелья и склоны, одетые камнем самого различного цвета.

На следующий день Ялат снова, не заходя к старому мастеру, отправился на поиск новых источников колыбташа. Он прошел до конца все ущелье и нашел еще две «жилы»: в одном месте колыбташ был солнечно-желтого, ласкающего глаз цвета, а во втором – неоднородный, полосчатый с чередованием розовых, желтых и белых полос. Ялат отобрал по мешку каждого вида колыбташа и приобщи́л их к куче розового камня.

Старый мастер был изумлен находками Ялата и, сидя на корточках, с любовью перебирал каждый камень. Особенно ему приглянулся полосчатый колыбташ, он выбрал камень побольше и отнес его в юрту для изготовления нового изделия. Бата напоил Ялата кумысом, который бодрил и восстанавливал силы. А когда Ялат собрался уходить, мастер вышел из юрты и долго смотрел ему в спину, что-то говоря по-наймански и восторженно покачивая головой.

Вечером он зашел в юрту Бронтоя. Вся семья была в сборе. Туяа быстро приготовила чай и выставила на стол все вкусное, что имелось в доме, как принято по законам степного гостеприимства. После традиционного молчаливого чаепития и обмена любезностями мастер Бата перешел к главной цели своего визита. Туяа внимательно слушала его речь и медленно переводила с найманского на русский.

– Мастер Бата благодарит нашего сына Ялата, который оказал ему помощь в заготовке камня для его работы. Он говорит, что Ялат очень способный, ему удалось найти колыбташ, о котором он мечтал. У Ялата есть особый нюх на камень, но чтобы познать душу камня, раскрыть его красоту для всех, надо овладеть искусством его обработки. Мастер Бата говорит, что он хотел бы сделать Ялата своим учеником и передать ему весь свой опыт и знания. Он ждет нашего согласия.

– Ну что ж, я согласен, – сказал Бронтой. – Не довелось нашему сыну стать вождем кыпчаков, так, может, найдет себя в другом полезном деле.

– Ялат будет искусным мастером, – радостным голосом заявила Туяа. Она помнила пророческие слова шамана Чауны о будущей судьбе ее сына. Старый шаман уже ушел в мир иной, но все его предсказания были живы и к ним относились серьезно.

– А что ты сам думаешь, сынок, на этот счет? – спросил Бронтой Ялата.

– Я попробую, – ответил Ялат, и в серо-голубых глазах его вспыхнули огоньки.

– Вот и хорошо, – сказал Бронтой. – Ты пойдешь в ученики к Бате и овладеешь его ремеслом. Я уверен в тебе – ведь ты же достойный представитель нашего рода.

На том и порешили.

На следующее утро Ялат отправился на свой первый урок к Бате. Учитель в своем деле был непревзойденным мастером. К тому же он обладал добрым и покладистым характером, чутким и внимательным к своему ученику. Бата научил Ялата пользоваться всем нехитрым инструментом, подготавливать камень для работы и делать простейшие камнерезные изделия из колыбташа – яйца, шарики, треугольнички-амулеты.

Когда первый этап обучения Ялатом был преодолен, они приступили к более сложным примерам – резьбе по камню, изготовлению фигурок. Это было непростым делом. На первых порах камень «не слушался» Ялата – ломался в его руках, и он бросал его, начиная заново.

Бата терпеливо поправлял своего ученика, сам брался за резец и показывал ученику, как надо делать заданную фигуру.

И вот наступил ответственный момент, своего рода экзамен на мастерство, когда Бата предложил ученику сделать фигурку лошади из розового колыбташа. Ялат подошел к этому заданию по-своему. Он взял бумагу, карандаши и пошел на зеленый луг, где мирно паслись лошади. Усевшись поудобнее, он вспомнил школьные уроки рисования, стал рисовать лошадок с натуры в различных ракурсах. Весь день провел Ялат возле лошадей, делая зарисовки, вглядываясь в них, запоминая их движения и повадки.

На следующее утро Ялат приступил к работе над фигуркой лошади. Мастер Бата с довольным видом посматривал на ученика, поглощенного работой, но ему не помогал. Он сам приступил к новому изделию – кубку из пестро-цветного колыбташа, найденного Ялатом. Бата делал его в подарок вождю Алтангэрэлу – на его день рождения.

Оба – учитель и его ученик закончили свою работу почти одновременно. Бата одобрил розовую лошадку своего ученика. Он осмотрел изделие со всех сторон, затем ласково потрепал своего ученика за плечо и сказал единственное русское слово – «хорош». Ялат хотел приобщить свою работу к коллекции фигурок мастера, но тот решительно отказался и дал понять своему ученику, что это принадлежит ему. И радостный Ялат понес каменную лошадку домой. Родители были приятно удивлены и обрадованы, а розовая лошадка заняла самое почетное место в юрте.

А вскоре в жизни аула произошло счастливое событие – день рождения вождя племени Алтангэрэла. Это событие отмечали все – от мала до велика. Дымились костры, на которых в больших котлах готовилась баранина.

Самые почетные гости и родня собрались в большой юрте вождя. Среди них были и Бронтой с женой и сыном. Большинство же гостей расположились прямо на зеленом лугу, вблизи его большой юрты. Их обслуживали нарядные девушки, подносящие угощения и крепкие напитки. Алтангэрэл, как радушный хозяин, порадовал гостей обильной национальной кухней. Кроме того, он пригласил знаменитого найманского кайчи³ Алдара.

Алтангэрэл усадил почтенного кайчи возле себя, и тот стал играть на двухструнном инструменте – топшуре, подпевая себе низким каем⁴. Звонкий голос кайчи раздавался далеко за юртой, собирая возле нее народ.

– О чем он поет? – спросил Бронтой Алтангэрэла, знавшего русский язык.

– Это наше народное сказание «Оленгир», – ответил вождь. – В нем говорится об одном батыре, который в минуты смертельной опасности думает не о себе, а о целостности и сохранности своего рода.

И перевел на русский язык чаяние героя «Оленгира».

Пусть не погибнет мой род,
Пусть не погаснет мой очаг,
Пусть зола в нем не разовьется,
Пусть чаша на нем не остынет.

– Да, мудрые слова, западающие в сердце, – промолвил взволнованный Бронтой. – Честь и сохранность рода – самое главное.

– Ты можешь быть уверен, Бронтой. Смотри, какого сына ты вырастил, – сказал Алтангэрэл, глядя с восхищением на Ялата.

³ *Кайчи* – сказитель.

⁴ *Кай* – горловое пение.

– Давай выпьем за продолжение твоего славного рода и наше породнение – ведь в твоём сыне течет и наша найманская кровь, – сказал Алтангэрэл, поднимая пиалу, наполненную аракой⁵. Все присутствующие присоединились к этому тосту. Веселье продолжалось всю ночь с песнями и плясками на лугу. Только на рассвете семейство Бронтоя вернулось с празднества.

День рождения Алтангэрэла был их последним радостным событием. Через день нахмуренный Бронтой стал собираться в путь.

– Ты куда надумал идти? – спросила Туяа. В ее раскосых, широко раскрытых глазах застыла тревога.

– Мне нужно сходить домой, справиться о судьбе моего отца, он снится мне по ночам.

– Может быть, повременишь, Бронтой? Сейчас опасно – вдруг «красноперые» нелюди придут в село, – пыталась отговорить мужа Туяа.

Но Бронтой был неумолим.

– Не волнуйся. Я вернусь через три дня.

На следующее утро Бронтой отправился в опасный путь. Туяа по найманскому обычаю вышла из юрты с пиалой, наполненной кумысом. Она плеснула кобылье молоко на землю под ноги своему мужу, чтобы счастливым был его путь. Такова была древняя традиция. А традиции надо уважать, как старших, ибо они еще старше старших. И потом Туяа еще долго стояла, глядя в спину уходившему мужу, шепча шаманские заклинания от всех бед на его пути.

А Бронтой пошел обычным путем вместе с не отходившим от него верным псом Буяном. Еще в начале пути им дорогу перебежал белый заяц. Буян кинулся за ним, но заяц оказался ловчее. По старым кыпчакским поверьям встреча с белым зайцем на дороге считалась дурной приметой. В другой раз Бронтой вернулся бы назад, но сейчас он преодолел в себе все сомнения и колебания. Он был тверд в своем решении, и ничто не могло его теперь остановить.

⁵ Арака – молочный самогон.

Бронтой – последний герой

На пути принятия решений можно принять любое решение, но ни одно решение не решает всех вопросов.

Древнекитайское изречение

Со сложными чувствами ожидания, тревоги и радости вошел в свое родное село Бронтой. Редкие односельчане, встреченные на его пути, радостно приветствовали его, удивленно смотрели, но вопросов не задавали. Он подошел к своему дому, открыл массивную дубовую дверь и впустил первым рвущегося в нетерпении Буяна. Верный сторожевой пес obeжал и обнюхал весь опустевший двор, поджав хвост, понуро подошел к хозяину и глянул на него грустными, по-собачьи преданными глазами.

– Что-то не так, Буян? – спросил Бронтой, поглаживая длинную бурую шерсть четвероногого друга. – Ты хорошо отдохнул и отъелся в гостях. Теперь мы дома, и тебе, дружок, придется занять свой сторожевой пост.

И Бронтой, подведя пса к его конуре, пристегнул к ошейнику длинную металлическую цепь. Он присел на крыльце, обводя рассеанным взглядом двор, пустой и тихий. Неожиданно раздался лай. Буян, гремя цепью, устремился к воротам. Массивная дверь со скрипом отворилась, и во двор шагнула грузная фигура соседа Радима.

– О-о! Дядя Радим! – радостно воскликнул Бронтой, поднимаясь со ступенек и идя навстречу гостю. – Мое уважение тебе и твоей семье, дядя Радим! – с почтением приветствовал его Бронтой на родном языке.

– Мое уважение тебе и твоему дому, – ответил Радим, пожимая руку Бронтоя. И чуть помедлив, спросил:

– Зачем ты пожаловал, Бронтой?

– Я пришел проведать свой дом. Узнать от тебя о судьбе моего отца и его товарищей, – удивился Бронтой, настороженно всматриваясь в Радима.

– О них ничего не известно – в сельсовете молчат, – неожиданно заговорил по-русски Радим. – А вот ты, Бронтой, пришел, как говорится, не ко времени!

– А что такое случилось? – встрепенулся Бронтой.

– Еще не случилось пока. А завтра должны нагрязнать «красноперые» – я узнал сегодня в сельсовете, ничего хорошего не жди. Явятся красные бесы за новыми жертвами, и чем больше их будет, тем для них лучше – они жиреют на народной крови. Тьфу на них! – сплюнул в сердцах Радим. – Так что послушай меня, старика, Бронтой: отдохни с дороги в родном доме, а поутру уходи обратно к найманам. Там тебя не достанут. За свой дом не беспокойся – никто из наших не нарушит его покой. Ну, желаю тебе удачи и поклон семье!

И Радим, крепко пожав руку Бронтоя, покинул его дом. После его ухода Бронтой еще долго сидел на крыльце, обдумывая, как ему поступить. Верный пес Буян ласкался возле его ног, глядел на хозяина влажными черными глазами, словно спрашивал: «Что будешь делать?» Наконец Бронтой встал, расправил плечи, словно сбрасывая с них тяжелую ношу, и начал действовать.

Он спустился к реке, где стояла родовая рубленая баня, наколот дров и стопил баньку на славу, как в прежние времена. У найманов ничего подобного не было – кочевники не пользовались горячей водой, а мылись в реке. И вот теперь Бронтой с наслаждением отдался привычной процедуре – подолгу парился, неистово орудуя можжевельным веником, выбегал из обжигающей все тело парной наружу, окунался в холодной реке и снова возвращался в парную. Уходить не хотелось – словно он испытывал это несравненное блаженство впер-

вые. Разомлевший после бани Бронтой, накормив Буяна и закрыв на засов дверь, прошел в спальню и завалился спать.

Он проснулся ранним утром и, встав, заглянул по привычке в окно, выходившее на вершину горы Тугай. Она была закрыта вся сизой пеленой тумана, который спускался вниз, цепляясь за верхушки сосен и горные поляны. И вдруг, на его глазах, гора словно ожила, она стала очищаться от сумеречной пелены, и сквозь нее хлынули потоки солнечного света и выглянули лоскутки голубого неба. Гора очищалась от серой хляби, и все в ней постепенно приобретало привычные очертания.

«А небо все равно останется голубым и чистым», – подумал Бронтой, глядя на меняющуюся картину природы. Он редко созерцал природу – ему всегда не хватало времени. А в это воскресное утро в родном доме у него было особое состояние души. Он оделся во все чистое, праздничное, и надел на шею каменный амулет на серебряной цепочке, – тот самый, который ему отдал Аржан при расставании. Он вышел во двор, накормил Буяна, а затем, выйдя из ворот, подозвал к себе соседских ребят, игравших возле дома.

– Бегите скорее к кузнецу Ромиро и к Ак-Билеку и передайте им, что я срочно зову их к себе.

Мальчишки без лишних слов кинулись выполнять поручение Бронтоя, который был для них авторитетом.

У Бронтоя в селении было много друзей, но эти двое были самые закадычные и преданные ему. Все они были ровесниками Бронтоя, которым перевалило за тридцать. Рыжебородый Ак-Билек был сыном Ареса, друга и помощника Аржана, состоявшего в совете старейшин племени. Их сыновья были неразлучны с детства, вместе ходили на охоту и рыбалку, бродили по горам в поисках целебного горного воска – бракшуна, веселились на молодежных сходках.

А вот другой друг, Ромиро, был пришельцем, случайно попавшим к кыпчакам из цыганского табора.

Это была яркая романтическая история, о которой помнили все селяне от мала до велика. А дело было так. Дороги судьбы завели цыганский табор в алтайскую глухомань к кыпчакам, которые впервые столкнулись с этим диковинным кочевым народом. Аржан, будучи тогда вождем племени, благосклонно разрешил цыганам раскинуть свой табор на живописном лугу возле села. И вскоре вековую тишину гор и лесов разбудили искрометные песни и пляски цыган, собиравшие по вечерам массы селян.

Особенно очаровало всех пение под гитару молодого цыгана в ситцевой красной рубашке, синих широких шароварах и модных сафьяновых сапогах. Он пел протяжные с надрывом в голосе цыганские песни и старинные русские романсы. Звали его Ромиро.

Своим пением цыган очаровал многих кыпчакских девушек и среди них русокосую Машу, дочь местного лекаря Тудоша и его русской жены Варвары. А когда цыган запевал свою коронную «Очи черные» и пламенным взглядом глядел на синеокую Машу, ей казалось, что эта песня для нее. Молодые люди полюбили друг друга, но скрывали свои чувства от окружающих. Когда же табор ранним утром покинул земли кыпчаков, цыган увез с собой и свою возлюбленную Машу.

Когда это обнаружилось, в селе поднялся переполох. Тудош, отец беглянки, схватил карабин и, оседлав коня, собрался было догонять табор и отбить свою дочь, его остановил Аржан.

– Не горячись, Тудош, – сказал он ему. – Задета честь не только твоей семьи, а всего нашего племени. Я пошлю своих молодцов, и они доставят твою дочь вместе с этим цыганом.

И Аржан выслал вдогонку свою малую конную дружину из десяти самых крепких и вооруженных молодцов. Через день Машу и связанного цыгана доставили в село, где они

предстали перед судом старейшин. Оглядев грозным взглядом связанного цыгана, Аржан сказал:

– Ты нарушил наши законы, цыган, у нас невест не похищают, а дают выкуп и остаются жить здесь, среди нашего племени. За твой бесчестный поступок я прикажу тебя бить плетью при всем народе и с позором выгнать с нашей земли, – Аржан перевел свой взгляд с побелевшего лица цыгана на лица старцев – членов совета, которые в знак согласия склонили единогласно свои головы. Затем посмотрел на плачущую Машу и растерянные лица ее уважаемых родителей и, смягчившись, сказал цыгану:

– Если ты действительно любишь ее, готов взять ее в жены и остаться у нас навсегда – мы готовы простить тебя. Что ты скажешь на это, цыган?

– Клянусь, я люблю ее больше жизни и ради нее готов на все, – воскликнул цыган с видом человека, которому подарили жизнь.

– Хорошо! – сказал Аржан. – Развяжите его – он свободен.

Все были довольны мудрым решением Аржана. А через неделю молодые сыграли веселую и необычную свадьбу, на которой почетным гостем был сам глава племени Аржан.

И молодые стали жить в мире и согласии в просторном доме лекаря Тудоша. Цыган Ромиро прижился среди кыпчаков и нашел себе достойную работу. Он пошел в ученики к старому кузнецу Тагу, а вскоре освоил кузнечное дело и сам стал заправским кузнецом. Своим веселым нравом, добротой и музыкальностью он заслужил уважение всего племени. Его приглашали на все свадьбы и празднества в селе. Бывал в гостях он и у Аржана, любившего послушать цыганское пение. Здесь Ромиро и познакомился с Бронтой, ставшим его лучшим другом.

Таковы были лучшие друзья Бронты, с которыми он пожелал встретиться в это злополучное утро. В ожидании прихода друзей Бронтой решил собрать на стол, расставил на старинном дубовом столе домашние соленья, вяленое оленьё мясо и прочую снедь, которая осталась в доме. Достал из погреба двухлитровую бутылку араки, настоянной на кедровых орешках.

Друзья не заставили себя долго ждать и вошли в горницу, не скрывая радости от встречи и удивления от накрытого стола. Ромиро был среднего роста, крепыш, смуглолицый, черноволосый с серебряной серьгой в ухе и темными, искрящимися весельем и удалью глазами. Ак-Билек был высокий, сухощавый, с рыжими волосами и бородой, светлоглазый – типичный представитель своего племени.

– По какому-такому случаю торжество? – спросил Ромиро, оглядев праздничный наряд своего друга и накрытый стол.

– Твой день рождения мы уже справили на славу три месяца тому назад, – добавил Ак-Билек. – А что сегодня у тебя?

– Сегодня я, может, последний день в родном доме и вижу вас, – ответил твердым голосом Бронтой.

– А что случилось, друг? – воскликнул Ромиро, отбросив сразу же напускную веселость.

– Дядя Радим передал, что сегодня в село явятся «красноперые». Мое имя стоит в черном списке – значит, будут брать. Чую всем нутром, что эти бесы уже близко, на подходе. Давайте же не будем терять время, посидим, как прежде, вспомним все хорошее, что было у нас, а дальше как получится.

С этими словами Бронтой разлил в граненые стаканы араку, и друзья, сомкнув их разом, молча осушили. Крепчайшее алтайское зелье разлилось по всей телесной периферии, согрело души и развязало языки. Но ненадолго. Неожиданно раздался лай Буяна. Выглянув в окно во двор, Бронтой увидел возле ворот непрощенных гостей. Буян, гремя длинной цепью, уже подскочил к пришельцам с оскаленной пастью, и в этот момент человек в кожа-

ной куртке, выхватив наган, выстрелил два раза в пса. Буян, взвизгнув, сделал смертельный бросок к стрелявшему в него и, не достав, свалился у его ног. Бронтой сразу узнал человека в кожаной куртке – это был тот самый Беридзе, арестовавший его отца.

– Вот и пришел мой конец, – сказал Бронтой потрясенным друзьям, наполняя стаканы аракой. И в этот момент, грохоча сапогами, в горницу ввалились четверо: черный комиссар Беридзе, двое военных с красными петлицами на гимнастерках и новый председатель сельсовета, товарищ Близнюк, низенький, круглолицый, облаченный для солидности в военный китель и фуражку.

Бывшему работнику губчека Владимиру Ильичу Близнюку было оказано доверие внедрить советскую власть в глухом алтайском селе. И он рьяно взялся за дело. Свою миссию тезка вождя мирового пролетариата видел в борьбе с врагами народа, искоренении национализма и воспитании нового коммунистического сознания.

– По какому случаю затеяли пьянку? – выступил вперед Близнюк, обводя сидевших за столом грозным взглядом.

– У нас, алтайцев, свои обычаи и поводы, неведомые вам, – спокойно ответил Бронтой.

– Брось куражиться, вражий сын! Не видишь, что за тобой пришли?! – взвизгнул своим низким фальцетом Близнюк.

Бронтой поднялся, молча опрокинул в себя налитый стакан и, выйдя из-за стола, подошел к Беридзе. Некоторое время оба смотрели друг на друга молча: один – с деланной улыбкой, другой – с крепко сжатыми губами, скрывавшими бушующую в душе ярость.

– Ну вот и встретились, – сладко пропел Беридзе, жмурясь от фальшивого удовольствия и скаля свои золотые зубы.

– Что стало с моим отцом? – наконец разлепил свои сжатые губы Бронтой.

– О-о! Он уже там! – подняв указательный палец, ответил Беридзе.

– Не понял?! – надвигаясь на него, воскликнул Бронтой, не обращая внимания, что двое чекистов встали возле него.

– По приговору советской власти твой отец Аржан расстрелян как враг народа и пособник мирового империализма, – отчеканил металлическим голосом комиссар.

– Сам ты враг нашего народа, безродная тварь, – задыхаясь от душившей его ярости, выпалил Бронтой, сжимая кулаки.

– Ах вот как ты говоришь, контра! Пристрелю тэбя, как твою сабаку, – выкрикнул Беридзе, хватаясь за кобуру.

Но выхватить наган не успел, пудовый кулак Бронтой, нацеленный на оскаленную золотую пасть чекиста, свалил того на пол. И в этот момент разящий удар по затылку обрушился сзади на Бронтой. Он упал ничком, потерял сознание, а его, лежащего в крови без движения, еще долго били и топтали сапогами все трое чекистов. Наконец Близнюк, не выдержав этого безумного истязания, остановил их.

– Не тратьте своих драгоценных сил, товарищи – он уже давно готов.

– Ладно, – шепелявя, сказал Беридзе, утирая свой окровавленный рот. – Похоже, что сдох – и не помог ему его амулет, – усмехнулся Беридзе и еще раз пнул ногой неподвижное тело.

– Еще адным врагом савэтской власти стало меньше, – он смачно выматерился, а затем, оглядев сидевших за столом друзей, злобно выкрикнул: – Убирайтесь к вашей алтайской матери! И молчите – иначе вам хана.

– Товарищ Беридзе, – обратился к нему председатель сельсовета, – у меня есть надобность занять этот лучший в селе дом под сельсовет. Не возражаете?

– Нэ вазражаю! Действуй на свое усмотрение, товарищ Близнюк. Ты здесь хозяин, и мы тэбэ верим пока, – ответил Беридзе и в сопровождении своих сподручных вышел из

горницы, брезгливо обойдя лежавшее на полу тело. Близнюк задержался и, обведя грозным взглядом своих круглых и сизых, как у сыча, глаз, сидевших в оцепенении друзей, вымолвил:

– Ну что, пьянчуги, свои zenки вылупили? Поди, наложили в штаны со страху? Теперь слухай меня: сперва уберите трупы хозяина и его собаки. Вашего дружка схороните тайно этой ночью. О том, что случилось, ни гугу – ни своим бабам, ни прочим людям. А кто ежели спросит, рассказывайте, что дружка вашего увезли энкавэдэшники как врага народа. А дом этот очистите от всего, что в нем есть, – чтобы духа от старого мира в нем не осталось. Все сделать к завтрашнему утру. Приду самолично, с проверкой. Таперича ваша судьба в ваших руках, как говорится.

Свою яркую речь председатель сельсовета щедро сдабривал отборным матом, очевидно, считал, что он наиболее доступен для понимания этим диким алтайцам. Отдав приказ, товарищ Близнюк одернул свой китель и с видом хорошо исполненного долга поспешил вслед за чекистами.

Ромиро и Ак-Билек, выйдя из охватившего их шокового состояния, сразу же кинулись к лежащему в луже крови Бронтою и осмотрели его. Из затылка, рассеченного рукояткой нагана, сочилась кровь. Ак-Билек разорвал на себе белую рубаху и заткнул рану. Бронтой не шевелился, не подавал признаков жизни.

– Все кончено. Нет больше нашего друга, – сказал Ак-Билек, склоняя свою голову.

– Постой хоронить его! – резко оборвал его Ромиро. – Может, еще живой. Я сейчас сбегая за дядей Федором (так он называл своего тестя, лекаря Тодоша) и приведу сюда, а ты оставайся с ним.

И быстрый Ромиро стремглав выскочил, и, стараясь остаться незамеченным, помчался к дому тестя. Он работал сельским фельдшером и оборудовал себе медпункт в небольшой пристройке к его дому. Тодошу перевалило за пятьдесят. Он был среднего роста, кряжистый, со скуластым лицом и ржаными усами вразлет, с широко расставленными серыми глазами. Одевался он необычно для селян: носил гимнастерку, подпоясанную солдатским ремнем, и галифе, заправленные в кирзовые сапоги. Был всегда тщательно выбрит, подтянут, с подчеркнутой военной выправкой. По торжественным дням носил на гимнастерке Георгиевский крест. А когда председатель сельсовета сказал Тодошу, чтобы он снял эту царскую награду, тот ответил ему:

– Не ты мне давал эту боевую награду и не тебе ее снимать.

И это ему сошло. Власть его не трогала, скрепя сердце, терпела, ибо он был незаменимым, и сам председатель сельсовета не раз заглядывал в медпункт этого сельского лекаря.

Тодош слыл человеком-легендой. Во время Первой мировой войны ему удалось добровольцем уйти на фронт, стать военфельдшером, заслужить за храбрость и спасение раненых Георгиевский крест и целым-невредимым вернуться домой. Вернулся не один, а, к общему изумлению, с русской женой Варварой. Он приобрел богатый фронтовой опыт фельдшера, овладел древними знаниями и не раз спасал односельчан от различных недугов.

Как обычно, Тодош находился в своем медпункте, занятый приготовлением чудодейственного эликсира из алтайского красного корня, когда к нему вбежал запыхавшийся Ромиро.

– Что случилось, сынок? – спросил удивленный лекарь.

– Беда, дядя Федор: «красноперые» забили Бронтоя – лежит в своем доме весь в крови и не трепыхается. Помоги, на тебя одна надежда!

Тодош все понял, быстро собрался, захватив сумку с медикаментами и разными снадобьями. Вдвоем с Ромиро они поспешили, пробираясь задними дворами, чтобы не привлечь к себе внимания.

Взглянув на окровавленного Бронтоя, Тодош ужаснулся.

– Это сделали нелюди – гореть им вечным огнем в аду, – гневно воскликнул он. А затем, отбросив все эмоции, начал профессионально действовать, как на фронте. С помощью друзей он перевернул неподвижное тело и, вынув из сумки бутылку с целебной водой из лечебного источника, омыл лицо Бронтоя, затем приложил ухо к его груди и стал вслушиваться.

– Ну как, дышит еще? – вырвалось у друзей, с надеждой смотревших на действия лекаря.

– Дышит! И выпускает винные пары, – улыбнулся Тодош. – Ему повезло, что был пьян – алкоголь сработал как наркоз и смягчил боль от ужасных побоев. Такое случалось у меня и на фронте. Будем спасать его, ребята!

Тодош привычными движениями обработал и перевязал кровоточащую рану на затылке. И неожиданно Бронтой открыл глаза и застонал.

– Помираю я, – прохрипел он пересохшими губами.

– Не дождешься! – ответил ему Тодош. – Хлебни лучше живой водицы – она кого угодно поднимет. Потерпи, парень, немного. Мы, кыпчаки, сильная порода, у наших предков-воинов были крепкие черепа, даже сабельные удары выдерживали – это ученые-историки подтвердили. А сейчас, ребята, давайте перенесем его на кровать. Разденьте его догола, режьте осторожно всю одежду – нужно обработать все раны, – командовал Тодош.

Когда стали снимать одежды, обнажилась окровавленная грудь с висящей на шее каменной пластинкой.

– Что это? – подивился Тодош.

– Это его амулет, дядя Федор, – ответил Ромиро.

– Мы, цыгане, тоже носим на шее разные амулеты для спасения души и тела.

– Ладно, пусть помогает и дальше его исцелению, – ответил Тодош.

– А теперь, ребята, слушайте меня: пока я занимаюсь раненым, вы справляйте дела по дому. Будьте начеку – никого не пускать! Сделайте носилки. Вечером, когда все утихнет, перенесем Бронтоя незаметно в мой дом – там и буду его лечить.

На том и порешили, друзья начали с того, что обернули в простыню безжизненное тело верного пса Буяна и схоронили под яблоней в саду. Они сколотили носилки, положили на них лосиную шкуру и поздно вечером втроем перенесли Бронтоя в дом Тодоша. Там его спрятали в амбаре, положив на топчан возле маленького оконца, куда едва проникал дневной свет.

Тодош остался с раненым Бронтоем, а Ромиро и Ак-Билек вернулись в опустевший дом вождя и дождались утра. Председатель сельсовета с опухшим лицом и заметно навеселе явился, как и обещал. Он обошел весь дом, оглядел пустые стены и остался доволен.

– Хорошо поработали, хлопцы! – пророкотал осипшим голосом Близнюк. – А куда дели вашего усопшего дружка?

– Схоронили его, начальник, как приказал, – ответил Ак-Билек, изобразив на лице печаль. – Завернули его в одеяло и отнесли в ущелье мертвых – вон туда за горой, – махнул он рукой. – Обычай у нас такой.

– Ну, добре! – потеплевшим голосом ответил Близнюк. – С прошлым должно быть покончено, и вы своим усердием можете искупить грех, что дружили с врагом народа. Обо всем, что случилось, молчок, иначе язык порву. А теперь свободны и можете возвращаться к своим бабам, ха-ха-ха!

Вскоре после ухода друзей к дому стали стекаться работники сельсовета, местные женщины вымыли полы и стены. А потом, когда на повозках доставили столы и стулья, все стали расставлять в доме чужую казенную мебель. Над столом председателя Близнюка был повешен портрет товарища Сталина, вырезанный из журнала «Огонек». Нашли красную материю, соорудили флаг и его победно водрузили на крыльце родового дома кыпчакского вождя, как символ новой власти на Алтае.

* * *

После зверского избиения Бронтой долго не мог оправиться. Первые дни он лежал на топчане в полутемном амбаре, закрыв глаза, страдая от боли во всем теле. Говорил так тихо, что его слов почти не было слышно. Сжимал левой рукой висящей на шее каменный амулет – точно черпал в нем силу. Такое состояние продолжалось несколько дней, и Тодош мобилизовал все свои знания и силы, чтобы выправить положение. Потом Бронтою стало легче, и он, преодолевая боль в позвоночнике, вставал, делал несколько шагов, подходил к маленькому оконцу и выглядывал из своей темницы, радуясь дневному свету.

Днем Бронтоя навещала жена лекаря Варвара, дородная женщина с мягкими плавными движениями и приветливой улыбкой. Она поила и кормила Бронтоя, убирала за ним, проявляя к нему воистину материнскую заботу. Утром и вечером его навещал Тодош, осматривал, делал перевязки, обрабатывал раны алтайским бракшуном и поил его эликсиром жизни собственного приготовления.

Когда Бронтою стало лучше, Тодош стал выводить его вечером во двор дышать свежим воздухом и учил ходить. Верные друзья Ромиро и Ак-Билек навещали его почти каждый день. Как обычно, они усаживались во дворе дома на широких пеньках, заменявших стулья, закуривали трубки и беседовали на отвлеченные темы, стараясь поднять настроение друга. В момент таких посиделок Варвара или ее дочь Маша занимали сторожевой пост у окна, чтобы не впустить в дом постороннего. Пребывание Бронтоя здесь держалось в глубокой тайне, а трое друзей, покуривая трубки, любили слушать старого лекаря, который так много увидел на своем веку и был хорошим рассказчиком.

– Чего грустишь, Бронтой? – как-то начал разговор Тодош, раскуривая свою старую прожженную трубку. – Радуйся, что остался жив, что голова и детородный орган остались целы. А это самое главное, что нужно мужику.

– А руки и ноги мужику разве не нужны? – спросил плотник Ак-Билек.

– Нужны, – ответил Тодош. – Но без руки или ноги еще можно жить и работать. Когда я был на германской войне, выносил на своих плечах раненых и оказывал им первую помощь, то насмотрелся всякого. Видел разных калек – и безногих, и безруких и все, несмотря на увечья, не падали духом и благодарили Бога за свое спасение. А вот у одного молоденького солдата оторвало осколком детородный орган. Так он, братцы, не захотел жить: «Кому я, такой урод, нужен – ни своей, ни какой бабе», – сказал он и наложил на себя руки. Вот и посчитайте, что есть для мужика самое главное.

– А бывает и другое, – продолжал Тодош. – Смотришь на иного мужика, вроде у него голова на плечах есть, руки-ноги и все остальное на месте, а изнутри весь с гнильцой, как трухлявое дерево. Это вроде нашего председателя сельсовета как его Пиз... Близнюка, – поперхнулся на его фамилии Тодош. Все дружно рассмеялись.

– А чем больна наша власть, дядя Федор? – поинтересовался Ромиро.

– Да как вам сказать попроще, – лукаво прищурился Тодош. – Болезнь председателя не слишком опасна, но значительна, и происходит от сгущения крови в главной и отводной головных артериях. А сгущение крови в артериях случается большей частью от злобы и черных мыслей. От всего этого в организме председателя накопилось много серы и соли, которые вызывают головную боль, нервное истощение и угнетают духовное начало сути человека, которое имеет место находиться в желудке. Подавлена у председателя и жизненная сила, которая пребывает у человека в копчике.

– Мудрено говоришь, дядя Федор, – усмехнулся Бронтой. – Но ежели он такой больной, что ты ему, как лекарь, не посоветуешь уехать в город на лечение, глядишь, мы бы избавились от этого опасного дурака.

– Да я его не раз страшал, советовал подлечиться в больнице, но он и слышать не хочет об этом, говорит: «Меня сюда направила партия, и хоть умри, но выполни ее наказ».

– Да хрен с ним, ребята, дерьмо никогда не тонет, а всегда на плаву.

– Его помощники: секретарь, счетоводы и вся их комсомольская братия не лучше своего хозяина – пьют, сквернословят, бегают за нашими девками.

– Все русские такие! – в запальчивости высказался Ак-Билек.

– Нет, Ак-Билек, ты не прав. Не суди о русских по этой накипи, – резко оборвал его Тодош.

– Ты так говоришь, дядя Тодош, потому, что у тебя жена русская, да и сам ты обрусел, что стал забывать наши корни, – не сдавался Ак-Билек.

– Откуда тебе знать о наших корнях, – спокойно парировал его слова Тодош. – Ты погляди на себя, на Бронтоя, на меня, наконец, и скажи, чем мы внешне отличаемся от русских. Да ровным счетом ничем, и говорим все по-русски. Я два года провоевал с русскими парнями, и меня принимали за своего ребята из Рязанской губернии, из Сибири и Урала. А что касается наших корней, то мне хорошо объяснил один спасенный мною раненый прапорщик. Он был из студентов, учился в самом Петербурге, готовился стать историком и изучал историю разных народов.

Когда я сказал ему, что родом с Горного Алтая и по национальности кыпчак, то он крайне удивился и сказал, что наконец-то видит живого кыпчака. Он поведал мне, что мы, кыпчаки, принадлежим к самому древнему славянскому народу – русам, которые жили в Сибири, в Саянских горах. Откуда они и пришли в Горный Алтай. Этот ученый-прапорщик сказал, что у нас, кыпчаков, с русскими одни корни, хотя мы и говорим на разных языках, а что касается сельсоветчиков – это не есть настоящие русские. На мутных волнах революции поднялась наверх всякая шантрапа. «Кто был ничем – тот станет всем», – как поют они в своем гимне. Но это ненадолго – придут на смену им другие – умные и честные.

– Ты веришь в светлое будущее нашего народа, дядя Федор? – спросил Бронтой.

– Верю! Без веры нельзя жить. Может, придется ждать долго, возможно, мы не дождемся, а дети и внуки его увидят.

Эти вечерние посиделки и беседы скрашивали затворническую жизнь Бронтоя, но потом, возвращаясь в свою темницу, находясь в полном одиночестве, он мучился от своей беспомощности, безумно тосковал по жене и сыну. Он замкнулся в себе, в своих переживаниях и, казалось, потерял интерес к жизни.

Проницательный Тодош понял состояние своего пациента, и у него созрел неожиданный план. Во время очередной вечерней встречи друзей Тодош перешел к делу. Он начал издалека:

– Орел с перебитым крылом все равно полетит в свое гнездо, к своим, не ведая, долетит ли он или расшибется – потому как он гордая и сильная птица. Мы, кыпчаки, сильны духом и телом, и Бронтой докажет это, вырвавшись на волю к своим.

– Я готов хоть сейчас лететь к своим даже с одним крылом, если бы оно у меня было, – мрачно усмехнулся Бронтой.

– А мы тебе поможем это сделать, – с загадочным видом сказал Тодош.

– Да как это возможно, дядя Федор? – вырвалось у Ромиро. – Ведь Бронтой не дойдет даже до своего дома – теперь сельсовета. Тьфу на них!

– А вот как, – начал объяснять Тодош. – Вооружимся опытом наших предков-воинов.

Раненого Бронтоя посадим на коня, а специальным деревянным каркасом прочно прикрепим к седлу – будет неподвижен, как в футляре – так перевозили раненых с поврежденным позвоночником. Ты, Ак-Билек, как искусный плотник, сделаешь это приспособление, а я тебя помогу, как консультант. Коня я вам своего дам, он у меня крепкий и покладистый, будете вести его под уздцы, не торопясь, по лесным тропам, глядишь, за день и управи-

тесь – дойдете до селенья найманов. Ну, а там его женка Туяа, моя ученица, долечит своего муженька. Главное исцеление – исцеление любовью, – закончил Тодош.

План этот понравился всем. Бронтой впервые просиял:

– Спасибо тебе, дядя Федор, и вам, друзья, за мое воскрешение. Век вам этого не забуду.

– Подожди благодарить, – остановил его Тодош. – Сначала надо провести эту операцию грамотно без шума и осечки. А теперь, не откладывая, начнем готовиться.

Через пару дней все было готово к походу. Ак-Билек изготовил деревянный корсет, который не раз примеряли на Бронтоя, крепили к седлу, пока не убедились в надежности этого устройства. Теперь друзья были готовы совершить тайно этот необычный поход в кочевье найманов.

Исход найманов в Монголию

Ночи стояли ясные, светлые и с началом сентября уже по-осеннему холодные. Где-то в предутренний час друзья уже стали собираться в путь. Варвара поставила самовар, собрала им в дорогу солидный узелок с испеченными накануне пирожками и шанежками. После короткого завтрака в утренних сумерках, когда еще все село спало, они вышли из дома. Тодош с Варварой и дочкой Машей вышли из ворот проводить и благословить на удачную дорогу.

Ак-Билек шел впереди, держа за уздцы коня, на котором восседал в деревянном корсете Бронтой. Ромиро подстраховывал его сбоку. Они незаметно вышли за околицу села и пошли по тропе через густой дикий лес, где еще водились лоси, медведи и другое зверье, но они им были не страшны. Главная опасность осталась позади, и теперь они, спокойно и не спеша, передвигались по лесным тропам, хорошо знакомым Бронтою еще с детства. Несколько раз им перебежали дорогу то рыжая лиса, то перепуганные длинноухие зайцы. Ак-Билек шел впереди, держа за уздцы коня, а Ромиро, перекинув через плечо ружье, шел сбоку подстраховывая верхового Бронтоя.

– Не крути башкой, держись крепче, – покрикивал он на своего подопечного, ошалевшего от запаха леса и пьянящего душу чувства свободы.

Бронтой устал от неподвижного сиденья, сжатый как в тисках деревянным каркасом, было жарко, и пот разъедал глаза. Но душа его ликовала, а в памяти, как в калейдоскопе, мелькали обрывки из прошлого. Они проехали вблизи того памятного места, где он попался в охотничий капкан. Выручила Туяа – его любимая и единственная женщина, ниспосланная ему самой судьбой. Он возвращался к ней и своему сыну Ялату. Правда, не в том качестве – покалеченный, неходячий, облаченный в «деревянные доспехи».

«Что я скажу своим при встрече? Как жить дальше?» – эти невеселые мысли роились в голове Бронтоя по мере приближения к заветной цели.

Друзья, не спеша, с короткими остановками, прошли трудный путь по лесной чаще. Уже во второй половине дня они подошли к оголенной гряде каменистых холмов, окаймляющих долину. Тропа оборвалась, и перед путниками встала естественная преграда – относительно крутой (под 30–40 градусов) склон холма, который надо было перевалить. Пока они шли по ровной местности, Бронтой сидел вертикально, в деревянном каркасе, жестко закрепленном к седлу. А как быть сейчас, при подъеме на гору? Друзья остановились в раздумье.

– Ну, Ак-Билек, скажи, как поступали твои предки-воины в таких случаях? – с подначкой спросил Ромиро.

– Это знает только твой дядя Федор, – изрек Ак-Билек. – А мы этот случай не предусмотрели заранее.

– Да бросьте спорить, – не выдержал Бронтой. – Надо делать, а не размышлять. Чем больше думаешь – тем страшнее. Сделаем так: ослабьте крепления к седлу, наклоните меня к голове коня, чтобы я обхватил ее крепко-накрепко, а вы потихонечку толкайте нас.

Так и поступили. Ак-Билек, взяв коня за уздцы, стал прокладывать путь, а Ромиро сбоку подстраховывал. После долгого и утомительного штурма склона они достигли узкой седловины, через которую проходил перевал. Отсюда хорошо открывался прекрасный вид на широкую изумрудно-зеленую долину, ведущую к кочевью найманов. Спуск был не менее трудным: конь, чувствуя запах луговых трав и близость отдыха, ускорял свое движение. Его приходилось сдерживать, чтобы не оступись – падение грозило большой бедой для Бронтоя. Но друзьям повезло: они благополучно спустились в долину и сделали короткую остановку.

– Ну как, Бронтой, пустить тебя на землю, чтобы справить надобность? – спросил Ак-Билек.

– Нет у меня этой надобности – руки, ноги и все одеревенело, ничего не чувствую, – ответил Бронтой. – Одно желание есть – поскорее доехать.

– Теперь уже близко, потерпи уж до конца, – ответил Ак-Билек. – На вот, подкрепись слегка, – сказал он, подавая другу бутылку с молоком и хлеб. – А мы пока с Ромиро покурим.

– Друзья! У меня к вам просьба: о том, что со мною произошло – молчок! Сказывайте, что я грохнулся со строптивного коня, ну, и малость поломался. Не хочу омрачать встречу. Вот приедем, отдохнем в моей юрте, посидим, с радостью отметим мое возвращение.

– Мы уже раз отмечали твое возвращение, Бронтой. А чем оно кончилось? – усмехнулся Ак-Билек.

– Могло и совсем плохо кончиться, не будь нас с тобой, Ак-Билек, – подал голос Ромиро.

– Бронтой спасло, что был выпимши, это дядя Федор еще сказал.

– А ты помнишь, Ром, как ты схватился за висевшее на стене охотничье ружье, когда «красноперый» избивал Бронтой? А? Хорошо, что я тебя схватил за руку и остановил – иначе бы всех нас перестреляли, – воскликнул Ак-Билек.

– Да, не выдержал я этого злодейства, и чуть было не натворил беды, – признался Ромиро.

– Знаешь, судьба для нас всех оказалась счастливой!

– Ладно, поговорили, отвели душу, теперь в путь! – воскликнул Бронтой и, снова распрямившись, принял вертикальное положение в седле.

И они с новыми силами устремились дальше. Над долиной уже сгущались вечерние сумерки, а с севера, с сопок нагорья необратимо ползли темные тучи. В сумерках призывно белели юрты кочевья. Конь под Бронтоем встрепенулся и прибавил ходу, а вместе с ним и уставшие путники.

Навстречу им из юрт выходили кочевники и с нескрываемым удивлением смотрели на странное шествие, но Бронтой, не обращая на них внимания, глядел в одном направлении – в сторону, где стояла его юрта. А вот и она!

«Дошел-таки, наконец!» – прошептал он и увидел своих: жену и сына. Они стояли у юрты неподвижно, глядя на него невидящими глазами, словно не признавая. Бронтой подъехал вплотную, и друзья помогли ему спуститься на землю и освободиться от деревянного панциря.

Сгорая от нетерпения, Бронтой ступил на землю, но не почувствовал своих ног, они занемели и стали как протезы. Он попытался шагнуть вперед, но не смог и чуть было не упал. Его подхватил подбежавший к нему сын. Туяа обхватила мужа, прижавшись к нему, повторяя только одно: «Живой, живой». Поддерживаемый женой и сыном, Бронтой вошел в юрту. Следом за ними в юрту вошли Ак-Билек и Ромиро. В юрте было просторно и уютно. В центре на железной печке стоял медный чайник с зеленым чаем и молоком. Пахло душистыми травами и терпкими ароматами кумыса. Когда все уселись, Туяа прервала воцарившееся молчание, излив свои едва сдерживаемые чувства.

– Что случилось? – она обвела взглядом изможденное, заросшее бородой с проседью лицо мужа и, не получив ответа, уставилась на его друзей.

– Да ничего страшного, хозяйка! – заученной фразой обмолвился Ромиро. – Ну, не повезло твоему муженьку, упал с коня и повредился. Но дядя Федор его подлечил, а ты его вылечишь окончательно.

– Ты мне зубы не заговаривай, цыган! – воскликнула Туяа. – Уж не с той старой, облезлой клячи он упал, на которой приехал сюда?

– Нее! Это лошадка дяди Федора – она смирная. А тот конь был строптивый, чужак, невесть откуда появившийся в нашем селе.

– Да врешь ты все, Ромиро. Не найти такого коня, который бы сбросил моего Бронтоя. Его дед Аржан уже с пяти лет обучил верховой езде. Это все дело рук «красноперых», меня не обманешь.

– Ладно, Туяа, об этом потом поговорим, – оборвал ее Бронтой. – Радуйся, что вернулся живой благодаря моим друзьям. Лучше собирай стол, жена, отметим мое возвращение.

Туяа быстро накрыла круглый стол белой праздничной скатертью и устала его разной снедью. Поставила большую бутылку араки, настоянной на душистых травах, и разлила в пиалы пенящийся, немного хмельной кумыс. Затем она принялась за свое коронное блюдо – бараний плов с мелко нарезанными кусочками душистого корня какого-то алтайского растения.

Ялат сидел рядом с отцом, не сводя с него восхищенных глаз. За время отсутствия отца он переживал за него, но старался не подавать виду и всячески успокаивать мать. Теперь они снова все вместе, и ему хотелось думать, что навсегда. Он вслушивался в разговоры отца и его друзей, ему нравилось их веселье. К общему удовольствию Ромиро порадовал своим пением и исполнил любимые «Очи черные», «Дорогой длинною...» и чисто цыганские зажигательные песни, от которых хотелось пуститься в пляс.

Когда солнце скрылось за горой и стало совсем темно, Туяа зажгла латунную лампу; разгоряченные вином и теплой домашней обстановкой друзья еще долго сидели за столом, пока веки, как намагниченные, не стали непроизвольно смыкаться. Туяа уложила на кровать мужа, постелила гостям и, когда все улеглись, вышла из юрты. Она уселась на маленькую скамеечку и, погрузившись в свои думы, смотрела в ночное звездное небо, наблюдая за падающими звездами и загадывая желание.

Наутро Ромиро и Ак-Билек после чаепития засобирались в обратный путь. Друзья тепло попрощались, не ведая, надолго ли расстанутся или навсегда. И снова Туяа вышла с полной чашей кумыса и выплеснула его под ноги путников и их рыжего коня.

После отъезда друзей Туяа взялась за лечение мужа, массируя ему спину, натирая ушибы целебными мазями собственного приготовления и потчuya его настойкой из красного алтайского корня – эликсира жизни. Оберегая его покой, она не пускала в свой дом никого – хотя желающих его навестить было много.

Ее врачевание и уход возымели благоприятное действие на Бронтоя. Он значительно окреп, стал самостоятельно двигаться, опираясь на деревянную палку. Да и внешне изменился к лучшему: сбрил бороду с сединой, сделал короткую прическу и снова стал выглядеть молодцевато. Только голубые глаза посерели, как алтайское небо после бури, и в них застыла непреодолимая печаль.

Как-то утром к юрте Бронтоя подъехал Алтангэрэл. Конь под вождем племени был вороной, резвый, с надрезанным ухом в знак посвящения духам согласно шаманским правилам. Он остановил своего скакуна у коновязи, а сам вошел в юрту. Все семейство было в сборе. Туяа быстро накрыла стол и подала крепко заваренный зеленый чай с молоком. Алтангэрэл не спеша пил чай, и разговор по-степному обычаю шел вначале о погоде, о скоте и прочих вещах. После чаепития Алтангэрэл изложил цель своего визита.

– Я пришел поговорить с тобой, Бронтой.

Туяа встала и собиралась выйти, подав сигнал своему сыну, но Алтангэрэл движением руки остановил ее.

– Не уходи, Туяа, и твой сын пусть останется. Скажи, Бронтой, что дала новая власть вашему племени? – начал Алтангэрэл. – Ведь ваше село раньше было очень богатым, каждая семья имела лошадей, коров, овец и мелкую тварь. У твоего отца, говорят, был целый табун разномастных коней. А что стало сейчас?

– У моего отца было в личном пользовании 5 коней, 3 коровы и мелкий скот, после его ареста у меня отобрали все до последнего. Даже дом захватили и устроили в нем местное самоуправление власти – сельсовет по-ихнему, а, что там дом! С отцом моим учинили расправу, невзирая на возраст. Ну а как со мною расправились «красноперые», вы сами видите – еле живой остался. Неохота рассказывать, – мрачно промолвил Бронтой, взглянув украдкой на жену и сына.

– Нет, ты нам все расскажи, Бронтой, все без утайки, – сказал Алтангэрэл. – Мы и наши люди должны знать всю правду.

Пересилив себя, Бронтой начал рассказывать обо всех перенесенных им испытаниях. И по мере его рассказа лицо вождя найманов мрачнело, скулы задвигались и в черных раскосых глазах зажглась ярость. Когда Бронтой закончил, все долго сидели молча. Туяа, наконец, встала, зажгла свечку, поставила на стол три маленьких чашечки и намерила в них араку, а сыну пиалу кумыса. Они молча выпили, помянув ушедшего в мир иной Аржана.

– Смутные и страшные времена наступили, – мрачно вырвалось как стон из груди Алтангэрэла. – Таких злодеяний мы, алтайцы, не знали со времени Чингисхана. С русскими при царе нам жилось легко. Да, платили налоги – но никто не вмешивался в нашу жизнь. Старики помнят, что когда приезжал в кочевье становой пристав из Бийска, его торжественно встречали, поили аракой и кумысом, угощали, соболей давали в придачу. И все были довольны! Мы не знали ига – оно пришло к нам сейчас с «красноперыми» бесами. И выход один – уходить, пока не поздно.

– А куда уходить-то? Прятаться по горам и глухой тайге? – воскликнул Бронтой.

– Нееет, Бронтой! Мы все уйдем через границу в соседний с нами Монгольский Алтай. В Монголии – родина наших предков, которые покинули ее, спасаясь от гнета Чингисхана, и поселились здесь. Теперь мы вернемся в Монголию – народное государство кочевников-аратов, таких как мы.

– А как туда добираться? – спросил Бронтой, и в глазах его появились искорки азарта.

– От нашего кочевья несколько верст до селения Тайшанты. Через него проходит Чуйский тракт до самой границы и уходит в Монголию. Он проходит по хребту Сайлюгем. Надо совершить переход через перевал Дурбэндаба, а там уже Монгольский Алтай. Чуйский тракт переведет от перевала к озеру Цаган-Нур. Там самое подходящее место для нашего размещения, а неподалеку у озера Баяннур – кочевье казахов таких же беглецов, как мы. Я установил с ними дружеские отношения, когда ходил на эту сторону, – закончил свое разъяснение Алтангэрэл.

– Так что будьте готовы, Бронтой, к переезду в Монголию – там мы все обретем покой и защиту от насилия. Да сбудется всемогущая воля нашего народа.

– А когда, Алтангэрэл, ты наметил это переселение?

– На совете старейшин мы приняли решение сделать это за два раза. Через три дня отправится наш первый караван из самых молодых и здоровых людей – около трехсот человек. У них трудная и важная задача: перегнать стада овец и табун лошадей и обосноваться на новом месте. Этот караван поведу я сам. Остальные придут позже уже налегке небольшими группами, есть у нас и такие, кто не может или не хочет уходить – это их право. А что ты решил, Бронтой? Ты готов сейчас к походу с нами?

– Нет, уважаемый Алтангэрэл. Я еще не окреп и мне не одолеть долгий путь и в особенности пограничный перевал. А вот Туяа с сыном пусть едут с тобой – так будет лучше.

– Я не поеду без тебя, Бронтой, – решительно возразила Туяа. – Тебе нужен мой уход и лечение – хотя бы месяц до полного выздоровления.

Наступило тягостное молчание. Алтангэрэл невозмутимо курил трубку, не торопя молодых принять нужное решение.

– Возьми с собой моего сына Ялата. Это мое окончательное решение, – твердым голосом сказал Бронтой.

– Хорошо, я возьму Ялата и буду опекать его до вашего возвращения, – промолвил Алтангэрэл. – С ним будет и твой брат, Туяа: Мишиг тоже едет с нами.

И, распрощавшись, Алтангэрэл покинул юрту. Решение отца огорчило и озадачило Ялата. Ему не хотелось уходить с родных мест, тяжело было расставаться с отцом и матерью. Надолго ли? Все было неопределенно и вызывало в душе Ялата смятение.

Напоследок он еще раз сходил в ущелье на свою «жилу» с колыбташем, зашел попрощаться к своему учителю по камню Бате. Старый мастер привык к талантливому ученику, в которого успел за короткий срок вложить любовь к камню и умение с ним работать. За время своего обучения Ялат научился не только его ремеслу, но и понимать найманский язык. На прощанье, напутствуя своего ученика, Бата сказал ему:

– У каждого человека есть свой талант, свое призвание. Есть оно и у тебя, Ялат, пусть оно всегда остается в тебе, где бы ты ни был. В этом призвании твоя душа, твоя радость и горечь... ты понял, сынок?

– Да, понял, уважаемый Бата. Благодарю вас за то, что вы открыли во мне это призвание, научили меня своему мастерству. Это я сохраню в себе навсегда. Прощайте, учитель, – сказал в растроганных чувствах Ялат и отвесил старому мастеру глубокий поклон.

– Постой, на вот, возьми на память, – сказал Бата, протягивая Ялату стальной резец. – Этим резцом ты обрабатывал наш камень – колыбташ, может, он пригодится тебе и там.

Разве мог он подумать тогда, что спустя многие годы в Монголии ему доведется работать этим простым инструментом – подарком его учителя!

Перед отъездом к Ялату зашел его дядя Мишиг – коренастый, крепко сбитый молодой человек лет тридцати с широко раскрытыми доверчивыми глазами. Проведя рукой по густому бобрику черных волос, Мишиг сказал:

– Пойдем, Ялат, к табуну – выберем тебе коня в дорогу. И немного покатаемся вместе – посмотрю, как ты сидишь в седле.

Туяа одобрительно кивнула головой и сказала брату:

– Ты уж постарайся выбрать ему коня поспокойнее, у него опыта верховой езды мало.

– Не беспокойся, сестра, я выберу ему хорошего скакуна и буду сопровождать твоего Ялата всю дорогу.

На зеленой поляне паслось около сотни разномастных лошадей. На шее многих лошадей висели разноцветные ленточки, указывающие на принадлежность определенному хозяину. После долгого осмотра Мишиг выбрал из табуна гнедого коня с белой отметиной на лбу, который понравился Ялату.

Накинув на коня аркан, Мишиг повел его к своей юрте. Привязав коня к коновязи, Мишиг принес из юрты запасное седло. Он показал Ялату, как седлать коня, затем дал несколько советов по правильной посадке и верховой езде. От слов Мишиг перешел к делу, предложив Ялату сесть на своего коня. Затем, отвязав своего пегого скакуна и легко переброшив через него свое упругое, тренированное тело, он крикнул Ялату: «Догоняй!» и помчался галопом вдоль долины. Ялат, пришпорив своего гнедого и подстегивая его концом поводьев, поскакал за Мишигом. Он догнал его к своей радости и заслужил похвалу своего дяди.

– Ладно, для начала неплохо, остальное – усвоишь в дороге, – сказал Мишиг.

В последнюю ночь перед походом Ялат плохо спал. Ворочался с боку на бок, пытаясь заснуть, и только под утро заснул коротким тревожным сном. А ранним утром его разбудила мать.

– Вставай, сынок, завтрак готов и надо собираться в дорогу.

Отец не спал и лежал на кровати с открытыми глазами. Туяа быстро накрыла стол, уставив его свежесвеженными масляными лепешками, вяленным оленьим мясом, бараньим

сыром и сушеным творогом. Поставила три пиалы и разлила кипящий зеленый чай с молоком.

Бронтой встал, и они втроем молча приступили к трапезе. Неожиданный стук в дверь юрты отвлек их внимание. Дверь отворилась, и вошли Мишиг и его жена с русским именем Майя, невысокая, с карими игривыми глазами и длинной черной косой.

– Мы за тобой пришли, Ялат, пора в дорогу, – сказал Мишиг, поздоровавшись.

– Присядьте на минутку, – засуетилась Туяа. – Выпейте с нами чаю.

– Спасибо, Туяа, надо ехать, – сказал Мишиг. – Караван уже готов к походу. До свидания, сестра, до скорой встречи за кордоном.

Мишиг с Майей торопливо вышли из юрты, оставив Ялата попрощаться с родителями. Он подошел к притихшей в этот момент матери и крепко обнял ее, казавшуюся такой маленькой и хрупкой по сравнению с ним.

– Храни тебя всевышнее небо, – прошептала она, целуя сына.

Бронтой, отбросив палочку, твердым шагом подошел к сыну. Расстегнув ворот рубашки, он снял свой каменный амулет и повесил его на шею сына.

– Зачем? – вырвалось из груди Ялата. – Ведь это твой хранитель!

– Теперь он будет твоим хранителем и помощником в пути, в делах твоих и в жизни. Береги его – это наша родовая ценность.

Бронтой крепко, по-мужски, обнял сына, и в глазах его заблестели слезы – он словно прощался с сыном навсегда. Провожая сына, Туяа и Бронтой вышли из юрты, проверили, как он прикрепил к седлу сумку с пожитками на дорогу и своими вещами. А потом он молодец-вато вспрыгнул на своего гнедого.

И снова Туяа, выйдя с большой чашей кумыса, плеснула его под ноги коня сына, чтобы легким и счастливым был его путь. Они долго еще стояли у юрты, обнявшись, поддерживая друг друга и глядя вслед уходящему от них в неизвестное сыну.

Ялат вместе с Мишигом и его женой Майей, сидящими верхом на своих рысках, присоединился к огромному каравану, заполнившему долину. В последний раз Ялат обернулся назад, увидел фигуры отца и матери, махавших ему вслед, и, прищипорив коня, мелкой трусцой помчал за караваном. Теперь он чувствовал себя неотъемлемой частью этого сплоченного кочевого братства, этих людей, отважившихся навсегда покинуть родные места.

* * *

Караван, двигаясь медленно и с частыми остановками, растянулся до километра. Впереди двигался авангард, возглавляемый Алтангэрэлом и состоявший из пятидесяти молодых, вооруженных охотничьими ружьями и холодным оружием. В составе авангарда находились проводники, хорошо знавшие дорогу и бывавшие за кордоном. В задачу авангарда входило проложение безопасного пути, поиски мест для ночевки, источников водоснабжения и охота для прокорма людей. За авангардом следовало главное богатство – огромная отара овец, которую гнали пастухи на лошадях и их верные помощники – собаки. Замыкала шествие конно-транспортная группа: около сотни лошадей, навьюченных тяжелым грузом – разобранными юртами, снаряжением, различной утварью и продуктами питания. В этом обозе помимо мужчин находились и женщины с детьми подросткового возраста – все верхом на лошадях.

Начало пути было спокойное. Караван без осложнений и потерь прошел по межгорной долине и уже к вечеру подошел к селению Тайшанта. Это был опорный пункт через тракт из России в Монголию. В селе Тайшанта издавна проживали найманы. Их вождем был Арслан, который получил свое имя Арслан (слон) за могучую фигуру и физическую силу, которую он

демонстрировал на состязаниях во время народных праздников. Алтангэрэл поддерживал с ним дружеские добрососедские отношения и не раз был у него в гостях.

Но на этот раз приятные ожидания от встречи с другом обманули его. Когда Алтангэрэл со своим отрядом подъехал к селению, то не узнал его. Склоны гор, где паслись раньше отары овец, были пусты. Юрты казались безжизненными, и лишь из некоторых струился дым из верхних отверстий. Что произошло с многолюдным селением?

Алтангэрэл подъехал к большой юрте вождя и спешил. Из юрты вышла Дулма – жена вождя, в черном одеянии, поникшая, с печальными глазами.

– Что случилось, Дулма? – с тревогой спросил Алтангэрэл, шагнув к ней.

– Ой, беда большая пришла в наш аул, Алтангэрэл! Неделью назад нагрянули к нам военные из Бийска и, как грабители, стали забирать наш скот и лошадей. Арслан возмутился и пытался выяснить у ихнего начальника, по какому-такому праву они это делают.

«По праву советской власти», – ответил ихний начальник в кожаной куртке и ткнул Арслану в лицо бумагу. Арслан плюнул на эту бумагу. Его стали вязать, завязалась борьба, он раскидал всех этих шайтанов, а ихний начальник выстрелил в него из револьвера. Арслан мой еще был жив, когда шайтаны убрались с награбленным. Красные шайтаны угнали весь наш скот и лошадей в Бийск. наших ребят забрали, чтобы перегоняли скот – они еще не вернулись. А Арслан потерял много крови от ран и на следующий день ушел в мир иной. Его похоронили в каменной пещере вон там, на горе, за которой садится солнце. Мир праху его.

– А куда все люди делись? – спросил потрясенный известием Алтангэрэл.

– После нашествия шайтанов все молодые верхом ушли за перевал в Монголию. И мой сын Гава тоже. Не хотел меня бросать, но я сказала ему: «Иди, пока цел, ведь ты – сын вождя». Осталось нас несколько семей, все больше старые – здесь наша земля, и мы останемся на ней до конца. А ты там, за кордоном, найди моего сына, присмотри за ним, помоги устроиться на новом месте.

– Хорошо, Дулма, сделаю все, что в моих силах. Я за каждого человека из нашего племени в ответе. И за него тоже, – кивнул он на стоявшего рядом с ним Ялата.

– А кто он, русский? – спросила Дулма, глядя с удивлением на рослого светловолосого юношу.

– Нет, он кыпчак, единственный кыпчак в моем воинстве, – ответил Алтангэрэл. – Он внук вождя Аржана, расстрелянного красными, а отца его так избили, что он не смог с нами поехать – остался с женой в кочевье.

– Оо, всевышнее небо! – всплеснула руками Дулма. – Что же они творят с нашим народом? Чего они хотят?

– Они хотят, Дулма, превратить все алтайские племена в безликое и покорное стадо. И будут насильно его гнать в светлое будущее, о котором все трубят. Но мы хотим остаться свободным народом и обречем новую родину – там, за кордоном.

– Пусть вам сопутствует удача, Алтангэрэл. Располагайтесь на ночлег, юрт на всех не хватит, но как-нибудь разместитесь – ведь вы кочевой народ. А ты, Алтангэрэл, можешь остановиться с внуком Аржана в моей юрте, как останавливался у нас в прежние времена, – сказала Дулма, вздыхая.

Стоянка в разоренном ауле Тайшант была последней на пути каравана. Утром весь растянувшийся караван, провожаемый грустным взглядом оставшихся обитателей села, тронулся в путь. Алтангэрэл торопил людей, не давал расслабиться, чтобы засветло успеть выйти к перевалу. Дорога была широкая, уплотненная щебнем скальных пород, еще не размытая осенними дождями. Небо над головой было чистым и голубым, радующим глаз и вселяющим в душу покой и надежду. Авангардный отряд Алтангэрэла оторвался от каравана и мчался навстречу синему вдали пограничному хребту Сайлюгем.

Ялат старался не отставать, мчался рядом с Мишигом, подставляя разгоряченное лицо свежему ветру. Ближе к вечеру они подъехали к хребту Сайлюгем и остановились в широкой межгорной долине, ведущей к перевалу Дурбэндаба. Всадники спешили, чтобы отдохнуть самим и дать отдых взмыленным коням. Алтангэрэл с Мишигом выбрали место для размещения каравана на ночлег. Бросок через перевал найманский вождь наметил на утро следующего дня.

Жизнь и необычайные приключения Алтангэрэла в Русском Алтае

Тугой свежий ветер неустанно дул на перевале. Над перевалом в небесной синеве размашисто парил орел – священная птица, почитаемая монголами. Его присутствие всегда считалось доброй приметой – значит, разгулявшийся на перевале ветер не перейдет в опасный вихрь или, еще хуже, в бурю. С перевала открывался широкий вид на землю Монголии: цветущие изумрудно-зеленые долины с голубыми окнами озер и серебристыми змейками рек. Вдали, сквозь дорожную дымку тумана, виднелись синие хребты, уходящие в такую же синеву неба. Ощущение безбрежного простора, чистоты первозданной природы, снимающей усталость путника, бодрящей его тело и душу...

На видном со всех сторон месте перевала возвышалось священное обо – груда поставленных друг на друга камней в виде пирамиды с воткнутым в нее иссохшим деревцем. На веточки его были нацеплены разноцветные лоскутки материи, оставленные путниками в дар горным духам. Ведь если не оставить на обо какого-нибудь символического приношения духам гор, то они разгневаются – напустят ураган, заставят хромать лошадь и много чего другого могут содейть. И не видать тогда путнику спокойной и счастливой дороги, а то и вообще родного дома. Традиции надо уважать как старших, ибо они еще старше самых старших.

Алтангэрэл самолично нацепил на обо несколько ярких лоскутков и бросил несколько оставшихся у него российских монет. Затем он выбрал удобное для обзора место и стал наблюдать за движением своего многочисленного каравана. Он был доволен, что самый трудный участок пути – подъем в гору – был преодолен, хотя и с большим трудом. Потребовались его личное вмешательство и неукротимая воля. Отары овец взбунтовались и не желали лезть на гору, усеянную камнями. Молодые пастухи спасовали и стали роптать: «Отары не пойдут через этот перевал – это невозможно».

– Как это невозможно?! – вскричал Алтангэрэл. – Наши предки, которые вышли из Монголии, преодолели этот перевал вместе с лошадьми и скотом. А вы что, слабее их? Найдите в стаде вожака, запустите его вперед, а за ним все остальные пойдут.

Совет вождя был исполнен: нашли стадного вожака, погнали его вперед, а за ним покорно потянулись овцы, сопровождаемые лаем собак и окриками пастухов.

Когда возникала какая-нибудь неожиданность или затор с движением, Алтангэрэл посылал для выяснения Ялата, который постоянно находился при нем. Вождю найманов пришелся по душе этот расторопный и умный парень, который понимал его с полуслова и с охотой выполнял все его поручения. Вот и сейчас, выполнив очередное поручение, Ялат поднялся к сидевшему на командном месте Алтангэрэлу и, спросив разрешения, сел рядом с вождем. Повернувшись назад, он стал глядеть прощальным взглядом на родные сопки Алтая, среди которых узкой лентой змеился Чуйский тракт. Ему тяжело было покидать родину, где остались его отец, мать, друзья. Алтангэрэл, глядевший радостным, увлажненным взглядом в монгольскую даль, обернулся к Ялату:

– Не оглядывайся назад, Ялат. Смотри лучше вперед – туда, где мы обретем свободу и родину.

– Родина – одна, уважаемый Алтангэрэл, – мягко, но убежденно возразил ему Ялат. – Для меня родина там, где я родился, вырос, учился в школе, где остались мои родители и друзья.

Черные густые брови Алтангэрэла гневно сдвинулись на переносице. Он скользнул быстрым взглядом по юноше, а затем, медленно выговаривая слова, по-русски ответил:

– Моя родина – там, где я свободен и где мой народ обретет свободу и сохранит себя как народ.

Его всегда невозмутимое и на первый взгляд бесстрастное лицо исказилось гримасой, а на скулах заиграли желваки. Некоторое время он молчал, заглушая возникшее раздражение, а затем снова посмотрел на Ялата. Белое, с легким загаром лицо юноши было еще покрыто пухом юности, но сдвинутые брови, упрямый подбородок и гордый взгляд ясных глаз говорили о том, что духом он уже настоящий мужчина.

– Ты еще молод и неопытен, Ялат, – сказал Алтангэрэл. – Послушай меня, прожившего большую и нелегкую жизнь. Главное для кочевника – свобода, а она теперь там – на родине предков в Монголии. Этот путь мне указал еще наш незабвенный шаман Чауна. Он и тебе, Ялат, предсказал счастливое будущее на земле монголов. А Чауна – великий предсказатель! Я ему многим обязан!

И вождь найманов поднял руки к небесам и что-то прошептал про себя, словно читая молитву. Алтангэрэл уже давно уверовал, что дух великого шамана вечен, и он откуда-то сверху следит за ним, проверяя, как он выполняет завет – вывести народ найманов на землю предков. И теперь он как никогда близок к осуществлению этой цели. Вглядываясь с перевала в синюю даль Монголии, где начнется у него и его народа новая жизнь, он вспоминал свое прошлое. Разноцветные лоскутки материи, трепавшиеся под ветром на обо, напомнили ему далекую юность. Такие яркие ленточки были вплетены в косу любимой девушки, оставившей глубокий след в его сердце. Да, судьба подарила ему много незабываемых встреч, испытаний и перекочевков с места на место, где начиналось все сначала, где его ожидала новая жизнь. Таких жизней Алтангэрэл прожил три. И теперь они мысленно проходили перед ним на этом перевале, за которым начнется новый путь в неведомое.

Алтангэрэл не был коренным жителем Алтая и не принадлежал к знатному роду, как его юный помощник Ялат. Он родился в Урянхае⁶ в семье бедного кочевника-монгола Дажива, который всю жизнь гнул спину, работая на местного бая. Радостью и надеждой Дажива был его единственный сын. Появление его на свет было отмечено знаменательным событием – приходом в его бедную юрту шамана-звездочета. Шаман по расположению в небе звезд в час Быка, когда родился младенец, сделал вывод, что рожденный сделается знаменитым зайсаном и станет во главе сильного племени.

– У тебя, Дажив, золотая юрта, ибо в ней родился золотой человек – золотой не по богатству, а по духовной силе. В нем воплотится дух золота – а оно выполняет роль воина-защитника, который будет защищать слабых и беспомощных. Дух золота, огненного металла, сделает твоего сына крепким и непоколебимым и будет направлять его волю только вперед – на исполнение главной цели жизни. Да помогут ему Высшие силы Неба!

Исходя из этого предсказания шамана, младенца нарекли Алтангэрэлом, от монгольских слов «алтан» – золото и «гэр» – юрта.

Алтангэрэл с детства выделялся среди сверстников ловкостью, физической силой и привязанностью к лошадям. Как и отец, он с малых лет работал на бая – пас многочисленные отары овец и коз. Старый арат Дажив радовался, глядя на сына, и все мечтал дождаться времени, когда он вырастет и станет свободным и богатым. Но так и не дождался: сломленный тяжким недугом, ушел в мир иной. Вскоре вслед за ним ушла его жена-урянхайка. Осиротевший Алтангэрэл продолжал пасти скот и жить в бедности и одиночестве. Но он не сломался и превратился в крепкого возмужавшего юношу.

В судьбе его произошел первый поворот. Бай, оценив старание и сноровку своего молодого работника, доверил ему пасти табун лошадей. И он не ошибся: лошади были страстью Алтангэрэла. За короткое время он показал себя: никто в округе не мог сравниться с ним

⁶ Урянхай – старое название Тувы.

в том, чтобы обуздать любого самого строптивного скакуна. Бай в награду подарил Алтангэрэлу вороного скакуна, которого он назвал за его бешеную скорость Салхи (Ураган). Но радость была недолгой – роковой случай изменил всю судьбу юноши. Виной тому стала Зарика – местная красавица с блестящими черными глазами и ослепительной улыбкой, украшенная алыми лентами, вплетенными в пятнадцать тонких кос – по числу ее лет. Ко всем своим достоинствам Зарика была еще и лихой наездницей, которую на ее быстроходном рыжем скакуне никто из молодых людей не мог догнать. Это мог сделать только Алтангэрэл, считавшийся лучшим наездником в округе. Это было делом чести, и к тому же его подогревал обещанный поцелуй юной красавицы.

Алтангэрэл на своем вороном Урагане догнал скачущую Зарику и получил от нее обещанную награду. Но с этого времени юноша потерял душевный покой – избранница овладела всеми его чувствами и думами. Он мечтал жениться на Зарике, однако полагающегося для этого случая калыма (выкупа) за невесту у него не было. Он был в числе самых бедных людей. В его «золотой юрте» кроме нескольких войлочных циновок, деревянного сундучка с вещами и старой железной печки, служившей для варки и обогрева, больше ничего не было. А вся его живность – гордость и богатство кочевника-уряньхайца – состояла из рыжей лохматой собаки, которая помогала ему пасти скот, а затем табун лошадей. Затем у него появился вороной скакун – главное его богатство. Но родители Зарики желали своей дочери лучшей доли и не хотели отдавать ее бедному и безродному монголу.

А тем временем богатый и любвеобильный бай по имени Аксай, увидев юную наездницу Зарику на скачках во время народного праздника, вспылал к ней страстью. Бай решил взять ее в жены, хотя уже имел четыре жены. Бедным родителям Зарики Аксай предложил калым в 100 голов скота и лошадей. Это было, по кочевым меркам, громадным состоянием, против которого бедные родители Зарики не могли устоять. Да и сопротивляться воле всесильного бая было бесполезно. А с волей дочери считаться не стали. Такова, видно, судьба или воля высших небесных сил, как принято было говорить в Урянхае. С этим решением Алтангэрэл не мог согласиться: он решил уберечь свою возлюбленную от притязаний бая и бежать вместе с ней. Но побег не удался, бдительные стражи бая схватили Алтангэрэла и доставили его к баю.

– Ты что себе позволяешь? Забыл, кто ты есть?

– Я – человек, – ответил Алтангэрэл, гордо вскинув голову.

– Нееет! Ты принадлежишь мне сам и все остальные тоже – земля, скот, лошади, люди.

А чтобы ты это надолго запомнил, я тебя накажу.

Бай исполнил свою угрозу: Алтангэрэла, догола раздетого, при всем кочевом народе высекли плетеными кожаными кнутами. Бай присутствовал при экзекуции и, удовлетворенный, остановил порку, не дав засечь своего работника до смерти. Окровавленного Алтангэрэла отнесли в его юрту, где добрые соседи выходили юношу.

Молодой крепкий организм Алтангэрэла выдержал это испытание, но в сердце закрались гнев и неукротимое желание отомстить баю. И спасти от него Зарику.

– Ну как, ты все понял? – спросил бай, когда юношу привели к нему его слуги.

– Я запомню на всю жизнь, – сдержанно ответил Алтангэрэл. И только крепко сжатые до боли кулаки и сдвинутые к переносице брови выдавали его волнение.

– Ну, тогда ступай пасти скот – там твое место, – усмехнулся бай.

И Алтангэрэл пошел к отарам овец в ожидании подходящего случая, чтобы осуществить задуманный им план. Случай этот вскоре представился.

Готовясь к свадьбе, бай замыслил устроить большую охоту, на которую решил пригласить своих соседей-баев. Местом охоты была выбрана пойма реки, где лежали самые густые леса и прилегающая к ним обширная степь. В лесах обитало много диких зверей, а в степи водились олени и джейраны. Здесь был настоящий рай для охотников. Для охоты бай при-

влек более сотни загонщиков, которые разбились по группам, чтобы охватить всю площадь охоты. Перед началом охоты бай устроил на лоне природы, по заведенному обычаю, ночное пиршество для удачной охоты. А на рассвете началась массовая облава зверья по всей территории. Среди загонщиков оказался и Алтангэрэл на своем вороном скакуне. Но его целью была не облава зверя, а выслеживание бая, когда он останется один. Наконец бай, оставшийся от своей свиты, оказался наедине со своим пастухом. Почуввав неладное, Аксай схватился было за ружье, но жесткий кнут Алтангэрэла опустился на его лысую голову и свалил с коня.

Напрасно бай пытался защититься, неистово кричал, призывая на помощь – неумолимый кнут находил его жирное и отяжелевшее тело. Оставив лежащего на земле бая, Алтангэрэл незаметно выбрался с места охоты.

Галопом помчался он к юрте своей Зарики, но опоздал. Опечаленные родители поведали, что Зарика умчалась на своем рыжем скакуне, чтобы не стать женой бая.

– Куда она умчалась? Где ее искать? – воскликнул Алтангэрэл.

– Э-э, далеко! В кочевье ее дяди. Оно на границе с Русским Алтаем, возле большой дороги у трех озер.

– Хорошо! Я ее найду! Обязательно найду, – сказал Алтангэрэл оторопевшим родителям.

– Найдешь, если сильно захочешь, – ответила мать Зарики. – Да хранят тебя светлые духи неба!

И Алтангэрэл, не теряя времени, устремился в неведомый путь. Первые дни Алтангэрэл ехал окольными дорогами и тропами, избегая главного торгового пути. Время от времени в стороне от главной дороги призывно белели юрты кочевников, но Алтангэрэл сдерживал искушение подъехать к ним. Он осознавал, что бай, придя в себя, организует на него настоящую облаву, бросив на нее всех своих заимщиков⁷. Теперь должна состояться другая большая охота на него, Алтангэрэла. Но он им не дастся! А потому Алтангэрэл соблюдал безопасность – ночевал в лесу, готовил на костре подстреленную дичь, находил места для корма и водопоя своему вороному скакуну. Однажды он не выдержал и подъехал к одинокой юрте, приютившейся у склона горы. Лошадей возле коновязи не было, а невдалеке на лугу паслись несколько коз. Алтангэрэл спокойно подъехал к юрте и спешился. В юрте оказалась пожилая женщина с подростком. Она с жалостью оглядела усталого молодого путника, едва державшегося на ногах, и по законам кочевого гостеприимства напоила его козьим молоком, накормила вяленным мясом с ячменными лепешками. Потом, уже после того, как Алтангэрэл насытился, осторожно спросила:

– Уж не тот ли ты молодец, за которого бай Аксай обещал награду в 50 голов скота? Только ты не бойся – никто тебя не выдаст. Пусть ловят слуги проклятого бая – это их дело.

– Откуда вы об этом узнали? – удивился Алтангэрэл.

– Так ведь «длинное ухо»⁸ разнесло по всей степи, по всем кочевьям приказ бая ловить беглеца. Ты уж не задерживайся, молодец, езжай поскорее, а то в недобрый час нагрянут байские стражи.

– Хорошо, я сейчас поеду. А не скажете ли мне, как доехать до кочевья у трех озер?

– Оо! Это далеко: еще больше ста верст по главной дороге, а там спросишь: «длинное ухо» тебя направит.

Тепло попрощавшись с гостеприимной женщиной и приняв от нее гостинцы на дорогу, Алтангэрэл продолжил свой путь. Теперь он изменил свою тактику: ехал по караванной дороге только в ночное время и рано утром, когда дорога была пустынной. Лишь однажды утром, когда уже вошло солнце, он заметил клубы поднятой пыли на дороге. Алтангэрэл

⁷ Заимщики – богачи, имеющие свои хозяйства – замки.

⁸ «Длинное ухо» – народная молва.

быстро свернул в сторону и укрылся в лесу. Несколько всадников промчалось на взмыленных лошадях мимо.

«Значит, пошла охота на меня», – подумал Алтангэрэл.

Пришлось просидеть целый день у ручья, дав себе и коню вынужденный отдых. А с наступлением темноты он снова выехал на большую дорогу. Алтангэрэл проехал уже большую часть намеченного пути, когда с ним случилось неладное. Во время стоянки он полез на высокую скалу, чтобы осмотреть местность, и при спуске сорвался и полетел вниз с высоты в несколько саженей. Спасли его густые заросли кустарника, которые смягчили удар. Он получил сильные ушибы и не мог ступить на ногу. С трудом он приполз к месту своей ночевки и в изнеможении свалился на землю. Верный конь не отходил от него, смотря своими увлажненными и будто сочувствующими глазами. Все тело Алтангэрэла затекло и ныло, при каждой попытке подняться его пронизывала боль во всех суставах. Эта ночь была для него самой мучительной. Ему нестерпимо хотелось пить, но воды под рукой не было. Он забылся только ранним утром, когда на дороге остановился купеческий караван. Но Алтангэрэл его не видел и не слышал, только конь своим призывным ржанием выдал его местонахождение.

Он проснулся от того, что кто-то настойчиво тряс его за плечо, вызывая ответную боль.
– Эй, сынок, проснись! – раздался возле него хриплый отрывистый голос.

Алтангэрэл с трудом разлепил глаза, а рука его инстинктивно потянулась за лежавшим рядом ружьем. Возле него сидел на корточках пожилой кочевник с бородкой клинышком и прищуренными раскосыми глазами на бронзовом лице, покрытом бесчисленными складками от расплывшейся улыбки.

– Эй, Алтангэрэл! Ты что мне не отвечаешь? Разве ты меня не узнаешь?

Алтангэрэл с трудом признал в этом человеке, облаченном в широкий пепельно-серый халат, подпоясанный оранжевым поясом, и с широкой фетровой шляпой, нахлобученной на голову, своего родного дядю Тойбу по материнской линии.

– Пить! – прохрипел Алтангэрэл, и свой голос показался ему чужим и далеким.

– Сейчас, сейчас! – засуетился Тойбу и быстро побежал к стоявшему возле дороги каравану. Через несколько минут он вернулся с фляжкой, наполненной свежей холодной водой. Алтангэрэл ухватил ее обеими руками и с жадностью стал пить. А Тойбу, присев возле него на корточки, смотрел прищуренными масляными глазами, и лицо его светилось от радости.

– Хе-хе-хе! Вот так встреча! – восклицал Тойбу. – Как хорошо, что я тебя нашел, – спасибо светлым духам неба!

– Кто эти люди, дядя? – спросил Алтангэрэл, утолив жажду и почувствовав себя лучше. – И как ты попал к ним? – кивнул он в сторону каравана.

– Не беспокойся, сынок! Это русские купцы идут с грузом пушнины в Русский Алтай. О том, что тебя ищут повсюду, они ничего не знают. Бай Аксай обещал 100 баранов за твою голову и за поимку твоей девки, которую он определил себе в жены. Тьфу на него! Пусть покарает его всевышнее небо! А тебе надо уходить – куда, не знаю. Лазутчики бая разыскивают по всем дорогам. Идет большая облава, а ты здесь лежишь у самой дороги. Но тебе повезло, сынок, давай поднимайся – я тебя не оставляю.

Алтангэрэл сделал попытку подняться, но острая боль пронзила его правую ногу.

– Что с тобой? – воскликнул Тойбу.

– Да вчера, спускаясь с этой скалы, оступился и грохнулся на камни. Все тело ломит, а на ногу не встать!

– Это мы сейчас поглядим! – ответил Тойбу. – Я, как ты знаешь, не только охотник и лучший проводник, но и лекарь к тому же.

Он проворно, привычными движениями осмотрел и прощупал ногу своего племянника и наконец с уверенностью изрек:

– Кость цела, сынок, а вывих я сейчас вправлю. Попридержи свой язык и потерпи малость! – сказал Тойбу и, засучив рукава своего халата, приступил к действию. Дядя вправил ногу своего племянника, смазал многочисленные ушибы на его теле и сразу обратил внимание на еще не до конца зажившие рубцы на его спине.

– Что это у тебя, сынок? – спросил озадаченный Тойбу.

– Следы от байских побоев! – усмехнулся Алтангэрэл. – Это когда я первый раз пытался бежать вместе с Зарикой. Догнали, собаки, били кнутах при всем народе. Но ничего – я отомстил баю. А Зарика, спасаясь от него, усакала на коне в кочевье своего дядюшки. По словам ее родителей, оно где-то у самой границы и трех озер. Вот туда я и добираюсь, дядя!

– Э-э, да нам по пути! – обрадовался Тойбу, и в его прищуренных глазах блеснули озорные огоньки. – Ты пока полежи тут, а я схожу к своим купцам и поговорю с хозяином. Я с ним уже третий год работаю – уговорю взять тебя в караван.

И Тойбу направился к торговым людям, которые сделали остановку у ручья и, разведя костер, готовились к трапезе. Спустя немного времени Тойбу вернулся – да не один. Вместе с ним степенной походкой шел высокий светловолосый мужчина с густой окладистой бородой. Ворот его ситцевой полосатой рубахи был расстегнут, и на могучей шее блестел серебряный крест. Сдвинув мохнатые брови, купец пристальным недоверчивым взглядом окинул сидящего на земле Алтангэрэла, затем перевел взгляд на вороного скакуна, не отходящего от своего хозяина.

– Это и есть твой племян, Тойбу? – с недоумением произнес купец.

– Да, Алексеич, он самый! – быстро заговорил Тойбу, с надеждой глядя на хозяина. – Он упал вот с этой скалы во время стоянки. Хорошо, что не расшибся совсем, а отделался только ушибами и вывихом ноги – но ногу я ему уже вправил.

– А откуда он и куда едет?

– Он едет из кочевья Чадан, а направляется за своей невестой к кочевью у трех озер – это на главном караванном пути, возле Алтая.

– Разве он похож на жениха? Скорее на заблудшую побитую собаку, – усмехнулся купец.

– Так оно и есть, – вздохнул Тойбу. – Парень пострадал из-за любви к своей девке.

– Хватит темнить, Тойбу! – резко оборвал его купец. – Сказывай мне всю правду, как есть – тогда и решим.

И купец, усевшись на ствол упавшего сухого дерева, вытащил из кафтана кисет с табаком, набил табаком деревянную трубку, раскурил ее и устался на своего проводника.

– Мой племянник с детства пас скот богатого и жестокого бая Аксая. Когда подрос, бай, оценив его усердие и умение обуздать любую лошадь, доверил ему быть главным погонщиком своих табунов. Даже подарил ему вот этого вороного скакуна. Все бы ничего, ежели бы бай не положил глаз на любимую девушку моего племянника – Зарику. Бай надумал взять ее в жены – пятой по счету, но мой племянник не уступил ему и пытался бежать со своей избранницей. Не получилось: байские холоуи поймали и по приказу бая чуть до смерти не засекли парня кнутах.

– А чем это докажешь? – перебил купец.

– У него доказательства на спине, – ответил Тойбу и, обернувшись к Алтангэрэлу, сказал:

– Ну-ка скинь свою рубаху и покажи, чем «наградил» тебя бай!

Алтангэрэл скинул изодранную рубаху и показал свою спину, на которой багровели не зажившие до конца рубцы от побоев.

Купец молча покачал головой и, раскурив погасшую трубку, дал знак Тойбу продолжать свой рассказ. А когда тот закончил, купец долго молчал, посасывая свою трубку, и наконец, взглянув круглыми ястребиными глазами на Алтангэрэла, спросил:

– Как тебя зовут?

Алтангэрэл без слов понял вопрос и назвал себя.

– Мудреное имя у твоего племяша, – заметил купец. – А что оно значит? – обратился он к Тойбу.

– «Алтан» – значит золотой. Когда он родился в бедной семье монгольского арата, местный шаман предсказал новорожденному счастливое будущее: он станет богатым и всеми любимым – потому и назвали так.

– Возможно, – задумчиво изрек купец. – В жизни можно достичь много и собственным горбом, а судьба порой щедро вознаграждает за все перенесенные испытания. А поступил твой золотой парень правильно. Девку или бабу свою нельзя отдавать никому. Знаешь, как в Расее праведные люди говорят: душу отдаю Богу, жизнь – государю, сердце – бабе, а честь – никому! Вот так-то! Пусть едет парень с моим караваном до конца пути. Приодень его во все чистое, накорми, напои, чем бог послал, и через пару часов – в путь. А сможет ли он ехать верхом на своем коне?

– Сможет, сможет! Спасибо тебе за твою милость, Алексеич, – обрадовался Тойбу.

– Да ладно уж! Нешто мы не люди! – отмахнулся купец и пошел неторопливой походкой к своим. Радостный Тойбу затормозил Алтангэрэла, пересказав ему разговор с купцом, затем проверил, как он ступает на ногу, и помог ему взобраться на уставшего от ожидания коня.

– Тебе повезло, парень! – радовался Тойбу. – Да хранят тебя светлые духи неба! Пойдем скорее к торговым людям. Не чурайся их, держись достойно, а когда подойдем к ним, не забудь поздороваться. Скажи по-русски – «здравствуйте».

Это было первое слово, сказанное Алтангэрэлом по-русски. Волею судьбы он оказался в русском купеческом караване и прижился в нем уже с первых дней. Он с позволения Алексеича помогал ухаживать за вьючными и верховыми лошадьми, выбирать место для стоянки, готовил на костре пищу из подстреленной им дичи или зайцев. Старый Тойбу не нарадовался, глядя на расторопность и умение своего племянника. Старания его были отмечены и самим хозяином, который подарил Алтангэрэлу перочинный ножик – к радости юного охотника. А он быстро освоился со своими обязанностями и положением среди миролюбивых русских купцов и забыл о грозящей ему опасности. Но она напомнила о себе вскоре.

Как-то под вечер на привале осмотрительный Тойбу, выйдя на дорогу, заметил вдалеке скачущих в облаке пыли всадников. Он сразу же предупредил об опасности и велел спрятать своего племянника в кустах. А сам, выйдя на дорогу, стал поджидать непрошенных гостей. Трое всадников поравнялись с Тойбу, спешили со своих разгоряченных коней и поздоровались:

– Менду!

– Менду! – ответил им Тойбу.

Он по старинному обычаю достал кисет с душистым табаком-дунцем и угостил всадников. Они присели на корточки, с жадностью закурили и бросили взгляд в сторону костра, возле которого сидели купцы. Тойбу сразу понял, что это стражи бая, но не подал виду и, посмотрев на их старые охотничьи ружья, заметил:

– Места здесь для охоты очень хорошие. Вон там за голым таскылом⁹ бегает дзерен¹⁰, да много разного зверья в здешнем краю водится.

⁹ Таскыл – скалистая белесая вершина.

¹⁰ Дзерен – горный козел.

– Мы ищем беглецов – парня на вороном скакуне по имени Алтангэрэл и красивую девушку Зарику. Оба бежали от бая Аксая, и он велел их поймать и доставить в его аул. А тому, кто укажет их местонахождение, бай обещал награду: 100 баранов и 10 лошадей. Подумай, старик, какая это великая награда! Тебе не надо будет ходить проводником у этих урусов – сам станешь маленьким баем. Скажи только!

– Не знаю я ничего, уважаемый, и ничем помочь вам не могу, – ответил Тойбу.

– Неужели ты ничего не слышал о беглецах – ведь «длинное ухо» разнесло по всем кочевьям наказ бая? – не унимался старший страж.

Но Тойбу только покачал головой и раскурил свою длинную самодельную трубку, сделанную из кизилового сучка.

– А может, они знают, – кивнул страж в сторону сидевших возле костра купцов. – Проводи-ка нас к ним!

И Тойбу повел их к купцам.

– Кто эти люди и что они хотят? – спросил Алексеич у Тойбу.

– Это люди бая Аксая, и они ищут двух молодых людей, бежавших от бая, – ответил Тойбу, пристально глядя на купца. От ответа Алексеича сейчас зависела судьба его племянника и его самого.

– Скажи им, Тойбу, что мы русские купцы и у меня есть бичиг¹¹ от наместника губернатора Урянхая с разрешением свободной торговли и проезда по всему краю. У нас свои торговые дела, а они пусть ищут своих беглых разбойников и кого хотят – мы им не помощники, – и Алексеич повернулся спиной, дав понять, что разговор закончен.

Тойбу перевел стражникам ответ купца, и те, понутив головы, вернулись к стоящим у дороги коням, и через некоторое время их след простыл.

– Пронесло! – облегченно вздохнул Тойбу. – Спасибо тебе, Алексеич! Верой-правдой буду тебе служить!

– Ладно уж! Зови лучше своего беглеца – поди, засиделся в кустах.

На следующее утро караван продолжил свой путь и к вечеру подошел к аулу «У трех озер». Весь аул состоял из нескольких белоснежных юрт, раскиданных на изумрудно-зеленом лугу возле длинного, вытянутого как кишка озера. За ним виднелись еще два коротких, круглых, напоминающих чашу. А за озерами начинались крутые сопки, поросшие березняком, елью и рябиной. Дальше уже поднимались высокие хребты с голыми вершинами – там начинался Русский Алтай.

С замиранием сердца подъезжал к этому кочевью Алтангэрэл. Наконец-то он достиг цели! Еще немного, и он увидит свою возлюбленную Зарику. Вместе с караваном он въехал в аул, всматриваясь в людей, выходящих из своих юрт. Все они были одеты одинаково, как кочевники, в длинные халаты, подпоясанные разноцветными кушаками. Зарики среди них не было. Может, она прячется от посторонних глаз из предосторожности?

Кочевники радушно встретили прибывший караван, разместили купцов в большой гостевой юрте и стали готовить для них праздничный ужин. Тем временем Тойбу повел Алтангэрэла к своему знакомому Хаджимуке, у которого раньше останавливался.

– Менду, Хаджимука! – приветствовал Тойбу знакомого, стоявшего у двери своей юрты. – Как твое драгоценное здоровье?

– Менду, Тойбу! Рад тебя видеть снова! А этот юный батыр, что рядышком с тобой, кто он?

– Это мой родной племянник Алтангэрэл. Вместе с ним мы сопровождали купеческий караван. Какие новости, Хаджимука? Почему мои глаза не видят юрты твоего соседа Чадамы?

¹¹ Бичиг – разрешительный документ.

– Э-э! Новости неважные, Тойбу! – вздохнул Хаджимука. – Чадамба вместе с семьей и гостившей у него племянницей Зарикой три дня как ушли вместе со своим скарбом туда – в Русский Алтай. Зачем ушли? Да чтобы уберечь свои головы от стражей бая Аксая. Вы что, не слышали, что за поимку Зарики и ее жениха обещана большая награда, а за укрывательство – смерть. Вот они и ушли! А на следующий день к нам нагрянули трое стражей бая и стали пытаться наших людей: «Где Чадамба и беглянка? Куда они ушли?» И, угрожая ружьями, стали требовать: «Нужно схватить их, и вы должны нам помочь: выделите десять человек и садитесь на коней, – кричали они. – Поедем за беглецами – награду получите за их поимку». Но никто из наших не тронулся и не стал отвязывать своего коня, чтобы следовать за ними. А наш старшина Тогу прямо сказал стражам:

– Мои люди за женщинами не охотятся... Было время, когда урянхайские батыры ходили в походы, сражались с врагами – один против десятых, а теперь урянхи гонятся по степи за бабами! Позор! Вы не настоящие урянхи, а дерьмо! Езжайте отсюда, пока целы!

Стражи было схватились за ружья и хотели расправиться с нашим старшиной. Но народ не дал: стали плотной стеной, а кое-кто даже достал ружья. И стражи, страшно бранясь, повернули назад и убралась восвояси. Вот такие дела у нас.

– А куда ушла Зарика со своим дядей? Где их искать? – вырвалось у Алтангэрэла.

– А тебе зачем знать? – с изумлением спросил Хаджимука, пристально всматриваясь в Алтангэрэла. И тут его осенило:

– Так, значит, ты и есть жених Зарики, заваривший всю эту кашу?

– Он самый! – подтвердил Тойбу сокрушенным голосом. – Что же теперь делать?

– Одно скажу вам: оставаться тебе, парень, здесь нельзя – стражи могут снова нагрянуть. Возвращаться назад тоже бессмысленно – обратного пути тебе нет. И остается тебе, парень, уходить из Урянхы туда, в Алтай – там, может, и найдешь свою невесту.

– Спасибо, уважаемый Хаджимука! Я так и сделаю, – сказал Алтангэрэл, и лицо его просветлело.

– Верно говоришь, Хаджимука, – согласился Тойбу. – Алтангэрэл уйдет с караваном, а я вернусь к себе, в свое кочевье Чедан. Вот только не знаю, согласится ли мой купец взять Алтангэрэла с собой?

– Я все равно уйду вслед за ними, дядя, – твердым голосом ответил Алтангэрэл.

– Молодец твой племянник! Настоящий урянхаец, батыр! Он своего добьется, – сказал Хаджимука, дружески похлопав Алтангэрэла по плечу. – А теперь давайте приступим к трапезе, чтобы не обидеть мою хозяйку. Заночуйте у меня – места много, а завтра все решится. Как говорит русская пословица: утро вечера мудренее.

На следующее утро Алтангэрэл с Тойбу, дождавшись подъема торговых людей, заглянули в гостевую юрту. Купцы сидели на войлочном ковре возле маленького столика, уставленного лепешками, сыром и кусочками жареного мяса, и пили из пиал зеленый чай. Вместе с ними сидел и хозяин кочевья старшина Тогу.

– А-а! Легки на помине, – Алексеич приветствовал их, приглашая широким жестом к трапезе. – А что невеселый вид у «золотого парня»? Неужто не сыскал свою возлюбленную?

Алтангэрэл молча покачал головой.

– Его девка вместе со своим дядькой ушла на Алтай. Мало-мало мы опоздали, Алексеич, – ответил Тойбу.

– И что же теперь делать?

– Он хочет идти с вами на Алтай – обратного пути ему нет. Возьмешь его с собой, Алексеич? Будет служить тебе верой и правдой – не подведет.

– Хорошо! Я возьму его к себе в работники – будешь выполнять любую работу, какую прикажу. Ты согласен? – с серьезным лицом спросил купец.

– Да-да! – ответил Алтангэрэл. – Спасибо вам, хозяин!

– Ну, тогда вопрос решен. А с тобой, Тойбу, мы расстаемся до следующего года. Получи расчет у моего казначея, – кивнул он в сторону своего помощника, заведовавшего всеми хозяйственными делами.

– А теперь давайте выпьем на посошок и пожелаем нам доброго пути, – и Алексеич разлил всем в пиалы бутылку русской водки. Он хотел было налить и Алтангэрэлу, но Тойбу остановил его:

– Ему не надо, Алексеич! Не приучен еще к «огненной воде».

– Так это хорошо! – пробасил Алексеич. – И приучать к этому его не будем. Пусть пьет чай с молоком!

Сборы были недолги, и караван, провожаемый добрыми напутствиями кочевников, приготовился к последнему этапу своего пути.

Тойбу обнял своего племянника, шепча про себя какие-то шаманские заклинания.

– Да хранят тебя светлые духи неба! Пусть удачным будет твой долгий путь и исполнятся все твои пожелания на новой земле в Алтае!

* * *

Впереди на горизонте синели резко очерченные горы. Они были все время перед глазами, уподобясь маяку, указывающему верный путь. После привольной урянхайской степи дорога проходила среди нависших безжизненных скал. Движение каравана замедлялось, и все чаще на крутых подъемах приходилось спешиваться и вести лошадей под уздцы. В купеческом караване было вначале шесть человек. Хозяина каравана купца Привалихина сопровождали два его помощника – молодые и веселые бородачи Афоня и Кеша, старый таежник Тихон и два молчаливых старателя-золотаря из Бийска. Седьмым в караване после проводника Тойбу стал Алтангэрэл, что было воспринято как доброе знамение: все верили в счастливую цифру «семь». Три вьючных лошади везли вьюки с пушниной, провиантом и походным снаряжением, складную палатку и войлоки, на которых спали. Еще в кожаной суме находилось намытое старателями золото – самый ценный и бодрящий души путников груз. Купцу Привалихину повезло: в неведомом ему Урянхайском крае он нашел рынок ценной и дешевой пушны и вдобавок еще и золото. Купец был безмерно доволен своим походом в Урянхай, который сулил ему большие выгоды.

Как-то на привале во время ужина у костра Привалихин извлек из сумы флягу русского спирта. Он разлил по чуть-чуть спирта в алюминиевые кружки всей своей команде и торжественно произнес:

– Давайте примем в клюв, братцы, за успешное возвращение домой. Впереди нас ждут большие дела. Ведь ежели дело закручено – его надо двигать дальше, живота своего не жалеючи. Ведь мы не щепки, чтобы плыть по течению, а творцы своего дела. Так-то вот! А по делам сделанным всем вам воздастся – все получают вознаграждение, когда возвернемся в Улалу.

– Он тоже получит? – кивнул Тихон на сидящего рядом с ним Алтангэрэла.

– И Алташку не обидим, коли заслужил, – пробасил купец.

– И то верно, Алексеич! – согласился Тихон, разгоряченный выпитым спиртом. – Парень он справный, все молчит и понимает без слов, и в нашей компании не лишний. Жаль, коли уйдет, когда свою девку-беглянку найдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.